

NEW
HORROR

МАТС СТРАНДБЕРГ

Шведский король ужасов

18

Матс Страндберг

Дом

Серия «New Horr»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68561010

Дом:

ISBN 978-5-386-14666-5

Аннотация

Джоэл вернулся в маленький городок, в котором он вырос. Он был вынужден стать родителем для собственной матери Моники и заботиться о ней.

Но в доме престарелых «Сосны» Монике становится все хуже и хуже. Она видит своего умершего мужа. Знает то, чего знать не должна. Стала совсем непохожа на себя.

Как будто что-то неизвестное овладело ею.

Это не история о призраках и одержимости. Это история о самом ужасном страхе – о потере контроля над собой.

Содержание

Юэль	5
«Сосны»	12
Юэль	21
Нина	24
Юэль	30
Нина	35
Юэль	41
Нина	53
Юэль	58
Нина	65
Юэль	75
Нина	84
Юэль	89
Нина	95
Юэль	98
«Сосны»	103
Юэль	105
Нина	112
Юэль	115
Нина	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Матс Страндберг Дом

Hemmet

Mats Strandberg

© Mats Strandberg 2017 by Agreement with Grand Agency

© Григорьева Ю. М., перевод на русский язык, 2021

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2022

Юэль

Он прислушивается. Напряженно, затаив дыхание.

В комнату сквозь щели вокруг рулонной шторы просачивается солнечный свет. Юэль поднимает голову и щурится на цифры на старой стереосистеме. Еще только начало шестого утра.

Во рту пересохло, постельное белье мокрое от пота. Он смотрит на закрытую дверь и медленно выпускает воздух из легких. Должно быть, крик ему почудился. Привиделся во сне и остался там, а теперь его уже и не вспомнить.

Юэль снова кладет голову на подушку. Пытается закрыть глаза, но веки то и дело поднимаются. Тело устало и хочет лишь спать, но мозг проснулся. В голове бурлят мысли о том, что ему сегодня предстоит.

Он сдается. Шарит рукой вдоль шнура от лампы у кровати и наконец находит выключатель. Свет такой яркий, что лицо искажается гримасой. С постеров, приколотых к косой стене в спальном нише, на него смотрят Бретт Андерсон и Дебби Харри. Кэтлин Ханна призывно взирает с вырванной газетной страницы в изножье кровати.

Вставай. Вставай. Почему бы не начать прямо сейчас? Поднимайся. Прими душ, пока мама не проснулась. Вставай сейчас же! Ты все равно уже не уснешь.

Однако Юэль продолжает лежать. Кажется, чтобы под-

няться, надо сделать такое усилие, ресурса на которое у него внутри просто нет. Постель – могила из влажной ткани. Еще немного, и он сойдет с ума, если не сможет проспять целую ночь.

Юэль разглядывает комнату, в которой после его переезда из дома ничего не изменилось. Только сам он стал другим.

В девятнадцать лет все казалось возможным. Словно весь мир ждал его. За стенами этого дома. Вдали от этой деревни. А теперь, двадцать лет спустя, он вернулся и даже не может встать с кровати.

Внизу открывается дверь между кухней и прихожей. Юэль снова лежит не дыша.

– Ау! Где все? Здесь кто-то есть?

Пронзительный голос. Испуганный. Он проникает прямо внутрь Юэля. От него живот завязывается узлом.

А потом снизу доносится тяжелый шлепок.

Мама.

Юэль отбрасывает одеяло. Бежит по пожелтевшему основному полу, выскакивает к лестнице. За окном бледно-голубое июньское небо. Сейчас так рано, что сад еще погружен в тень, но деревья на холме уже полыхают в утреннем свете. Лестница на первый этаж хорошо освещена. На лимонно-желтом фоне обоев танцуют бабочки.

– Иду! – кричит Юэль и бросается вниз.

В прихожей пусто. Только кофта из флиса и ветровка висят на крючках рядом с его потертой кожаной курткой.

– Мама?

В ответ тишина. Юэль дотрагивается до входной двери. Заперто. Слава богу! Значит, мама в доме.

Дверь в ванную открыта. Юэль идет туда. Внутри чувствуется сладкий, затхлый запах. На полу валяются трусы, желтые в области промежности. На сиденье унитаза засохшие капли мочи. На дне ванны свернулся змеей душевой шланг.

Она могла упасть, пытаясь помыться. Могла сломать что-то. Удариться головой. Пытаться позвать на помощь. А я бы, может, даже не проснулся.

Ну разве не символично, что это могло случиться в их последний день вместе в этом доме? В последний день, когда за маму отвечает он?

Юэль идет на кухню. Длинный тряпичный половик лежит криво. Шлепок отдается эхом у него внутри.

– Мама? Ты где?

Проходя мимо мойки, Юэль приподнимает картонную упаковку из-под вина, которая стоит на том самом месте, где он ее оставил.

Почти пустая.

– Юэль? Юэль!

Он спешит в гостиную. Мама смотрит на него с места, где раньше стояли небольшой обеденный стол и стулья. Ее бесцветные глаза по-детски испуганы, лицо так быстро состарилось этой весной. Седина на голове отросла на несколько сантиметров, она кажется почти лысой. Надо покрасить ее

перед отъездом.

Мамочка.

Одетая в старую футболку, мама стоит, наклонившись вперед, так что футболка свисает почти до колен. Коленные чашечки похожи на костлявые наросты на слишком худых ногах.

– Звони в полицию, – говорит она. – Здесь побывали воры.

Юэль улыбается, пытаясь успокоить маму, но узнает ее взгляд. Сейчас она там, где Юэль не сможет до нее достучаться.

До сих пор мама всегда возвращалась. Ненадолго – редкие проблески той, кем она была. Но их становится все меньше. И все происходит быстро. Ужасно быстро.

– Ничего страшного, – говорит Юэль.

– Ничего страшного? – фыркает мама. – Ты что, не видишь? Они забрали мебель, которую смастерил твой дед! И кресло, которое так нравится твоему отцу!

Спотыкаясь, она идет к открытой двери в спальню. – А комод! Ты понимаешь, что они утащили комод, хотя я спала совсем рядом? Даже фотографии украли!

Укоряющим жестом мама показывает на стену. Там, где в рамках висели портреты, выцветшие обои немного темнее. Юэль встает рядом с мамой в дверях. Кладет руку ей на плечо.

– Зачем им наши фотографии? – качая головой, спрашивает мама.

Спальня кажется голой. Разоблаченной. В том месте, где стоял комод, ламинат отошел от пола. В углу треснули обои, а в изголовье кровати вновь появилось жирное пятно. Юэль оттер его всего несколько дней назад, но оно всегда возникает снова. Один из шкафов открыт. На штанге одиноко висят пустые вешалки. Одежда, которую мама оставит, сложена в чемодане под кроватью. – Это не воры, – говорит Юэль. – Вчера приезжали грузчики, они вывезли твои вещи. Ты не помнишь?

Он тут же понимает свою ошибку.

Не напоминать маме, насколько она стала забывчива. Это только нервирует ее.

– Что за чушь ты несешь? – шипит она.

– Грузчики. Ты же сегодня переезжаешь. Это же здорово?

Когда Юэль слышит фальшивую беззаботность в собственном голосе, ему хочется выползти из собственной кожи.

Так больше нельзя, мама. Это все ради твоего же блага.

– Посмотри сюда, – продолжает он и вытаскивает чемодан. – Вчера мы вместе отобрали одежду, которую ты возьмешь с собой.

– Прекрати, Юэль. Не люблю, когда ты так шутишь.

– Мама...

– И куда же, по-твоему, я переезжаю?

Юэль колеблется. Не может заставить себя произнести слово «Сосны». Название пансионата так долго было симво-

лом. Шуткой, чтобы скрыть страх. Всякий раз, когда мама теряла очки для чтения или забывала нужное слово. *Нет, скоро я окажусь в «Соснах».*

– Ты будешь жить с ровесниками, – наконец говорит Юэль. – В Ссредсбю. Все будет просто отлично. Там всегда есть люди, которые о тебе позаботятся.

Мамины глаза расширяются. Кажется, она понимает, что Юэль не шутит, даже если его слова кажутся абсолютно безумными.

– Но... но нам же здесь хорошо?

– Там тебе тоже будет очень хорошо. Вот увидишь. Я привел в порядок твою новую квартиру, ты будешь... – Понятия не имею, о чем ты, но давай-ка прекращай. Что, по-твоему, скажет твой отец? Он придет домой, а я переехала...

Только этого не хватало. Только не сегодня. Юэль молчит, и мама волочит ноги на кухню. Открывается кран с водой. Что-то опрокидывается на пол и разбивается. Юэль вздыхает.

«Сосны»

Пансионат для пожилых «Сосны» находится в Скресбю, городке на западном побережье, где туристы, летом направляющиеся в Марстранд¹, останавливаются редко.

Одноэтажное кирпичное здание построили в отдалении от жилых домов, за футбольным полем, у подножия покрытого лесом холма. Это четырехугольное, компактное здание. Лишенное ненужных деталей красоты ради. К дверям ведет широкая лестница с пандусами по обеим сторонам. Если подойти к ним в дневное время, двери откроются автоматически. Ламинат в вестибюле зеленый, пестрый, чтобы пятна и следы были заметны как можно меньше.

Пансионат небольшой. Лишь четыре коридора, образующие рамку вокруг атриума, который называется залом. Среди общих пространств есть небольшие комнаты отдыха для жильцов. На новых обоях – старомодный рисунок. На мягкой мебели – ламинированные подушки для сидения.

Ламинат в коридорах блестит так, что в нем отражаются люминесцентные лампы. Вдоль стен закреплены поручни, а сами стены покрашены в пастельный зеленый оттенок, который должен оказывать успокаивающее действие, но придает коже болезненный оттенок. В каждом коридоре свое от-

¹ Марстранд – курортный городок на западном побережье Швеции, в 30 км к северо-западу от Гётеборга.

деление на восемь квартир. Квартиры маленькие и обставлены почти одинаково, вариантов немного. Внутри есть ванная, но нет кухни. Никаких плиток, которые можно забыть выключить. Окна не открываются широко. Дверь запирается изнутри, но у персонала есть ключи, так что они всегда могут войти. В отделениях Б и В, окна которых выходят на лес, в квартирах есть балконы. Они забраны мелкой проволоочной сеткой, чтобы выбраться этим путем было невозможно. На случай, если вы встаете по ночам или вдруг упали с кровати, существуют датчики движения и защитные бортики, которые не дадут этому случиться снова.

Новые владельцы заставляют персонал называть вас, проживающих здесь, клиентами, несмотря на то что решение переехать сюда чаще всего принимаете не вы. В семидесятые годы, когда пансионат строился, въезжающие были моложе и здоровее. Чтобы получить место в «Соснах» теперь, надо чувствовать себя гораздо хуже. Говорят, это все ради вас, лучше как можно дольше оставаться дома. Когда ваши родственники получают предложение о месте в «Соснах», им дается не больше недели, чтобы согласиться или отказаться. Все должно происходить быстро, чтобы пансионат не терял деньги на пустых квартирах. За вами в очереди всегда еще много народа.

Последней в «Соснах» умерла Бритт-Мари из квартиры Г6. Она перестала есть и пить. Все чаще и все дольше спала. Медленно угасала. Так часто бывает с пожилыми, страдаю-

щими депрессией. В их свидетельствах о смерти в качестве причины указывают анорексию.

В «Соснах» смерть присутствует постоянно. Это место – последняя остановка. Здесь редко предпринимаются меры по поддержанию жизни – об этом все знают, но никто не говорит.

В квартире Г6 ждет новый комплект мебели. Небольшой обеденный стол со стульями, комод, кресло. Фотографии на стенах. Новый дом в пансионате. Кровать – единственный предмет мебели, принадлежащий «Соснам». После смерти Бритт-Мари ее продезинфицировали и заправили чистыми простынями.

В комнате для персонала в отделении Г сидит Юханна и листает в телефоне ленту соцсетей. Невидящим взглядом смотрит в экран. Не находит ничего нового. В такую рань в доме ничего не происходит. Иногда Юанна поглядывает через стекло в общий зал, куда через окно в крыше льется солнечный свет. Скоро можно будет отсюда уйти. Она жалеет, что устроилась на эту работу на лето, ненавидит ночные смены, терпеть не может, когда Петрус из Г2 или Дагмар из Г8 просыпаются и за ними надо ухаживать. Но хуже всего страх, что кто-то из стариков умрет, а она окажется в отделении одна.

В коридоре открывается дверь, и Юханна вздрагивает. Встает. Выглядывает из комнаты для персонала. Наконец-то! Это Нина, которая должна ее сменить. Как всегда, пришла

раньше времени. Нина, которая часто остается на работе дольше, чем нужно, всегда берет дополнительные смены, печет булочки со стариками, когда ей больше нечем заняться. Нина, которая никогда не рассказывает о своей жизни за стенами «Сосен». *У нее вообще есть какая-нибудь жизнь?* Сложно даже представить ее в обычной одежде, без голубой рабочей блузы и мешковатых брюк. «Не удивлюсь, если Нина моется калийным мылом», – думает Юханна. Аккуратная и чистая. Коротко подстриженные ногти и короткая стрижка. Она ничем не пахнет. «Как дела?» – спрашивает Нина, и Юханна пожимает плечами, отвечает: «Ничего особенного», – протягивает папку, в которой написала отчеты за ночь. «Ну, я пошла», – говорит она.

Нина смотрит Юханне вслед, над ее спиной покачивается от ходьбы конский хвост. Потом включает кофеварку в комнате для персонала. Протирает столешницу и обеденный стол.

Сукди, которая будет работать вместе с Ниной этим утром, на лестнице встречается со своим мужем Файзалом. Она только что переоделась в униформу в раздевалке, расположенной в подвале. Он только что отработал ночную смену в отделении Б. Файзал устал и раздражен. Их старшая дочь сидит с младшими братьями и сестрами до прихода кого-то из родителей, и он хочет уйти домой как можно скорее. Сукди быстро целует его в щеку и идет в отделение Г. Отказывается от кофе, который предлагает Нина. Они вместе чита-

ют отчеты, пока Нина допивает свою чашку. И приступают к работе.

Обходят квартиры в отделении Г, одну за одной. Осторожно трогают лбы стариков. Меняют подгузники. Моют дряхлые тела махровыми салфетками, с мылом и теплой водой. Смазывают мазью. Раздают лекарства, перорально, ректально и вагинально. Успокоительные и слабительные. Болеутоляющие и кроворазжижающие. Помогают старикам одеться, вставить зубные протезы. Причесывают их.

Когда они заходят в Г1, Виборг стонет во сне. Она крепко обнимает свою кошку, мягкую игрушку с подогревом под шерстью из полиэстера. Не узнает ни Сукди, ни Нину. *«Почему мама меня не будит?»* – спрашивает она, встревоженно глядя на Сукди. – *«Она купила тебя в Африке?»* Пока с Виборг снимают подгузник, она не спускает с Сукди глаз. Ее стул угольно-черный оттого, что она принимает железо. Ее тщательно моют, надевают чистый подгузник и эластичные сетчатые трусы, которые в «Соснах» носят все старики. *«Где мама?»* – спрашивает Виборг. – *«Хочу позвонить маме»*. Она тянется за телефоном, поднимает трубку, но Нина уговаривает ее подождать. Номер, который хочет набрать Виборг, уже давно не используется, и она волнуется всякий раз, когда никто не отвечает.

В квартире Г2 Сукди помогает Петрусу побриться. Вместо лезвия она использует электрическую бритву, чтобы не навредить ему, если он на нее накинется. Нина садится на

корточками у кровати, чтобы сменить мочеприемник к катетеру, и внимательно следит за тем, чтобы не оказаться слишком близко от сильных быстрых рук Петруса. Потом проверяет уровень сахара у него в крови.

Как только Нина и Сукди заходят к Эдит в квартиру Г3, та открывает глаза. *«Добрый день, – заспанно говорит она. – Меня зовут Эдит Андерссон, я секретарь директора Пальма»*. Они привычно кивают. Эдит моргает: *«Добрый день. Меня зовут Эдит Андерссон, я секретарь директора Пальма»*. Нина и Сукди натягивают новые перчатки и помогают Эдит, пока она рассказывает им, кто она такая.

Будиль из Г4 щурится на них, когда они поднимают ее ночную рубашку и меняют подгузник: *«Угадайте – сколько мне лет?»* И хотя Нина прекрасно знает ответ – Будиль уже перевалило за девяносто, – она говорит: *«Наверное, семьдесят?»* Будиль довольно усмехается: *«Все так говорят, и никто не может поверить, что мне столько, сколько есть. Говорят, я все еще очень красивая»*. Нина и Сукди подтверждают, что согласны с этим.

Сегодня очередь Лиллемур из Г5 принимать душ. Они помогают ей пройти в ванную. Раздевают. Сетчатые трусы оставляют клетчатый след на ее раздувшемся животе. Нина и Сукди потеют в резиновых сапогах, пластиковых фартуках и перчатках, но Лиллемур хотя бы сговорчива. Они осторожно сажают ее на табуретку в душе. После того как Лиллемур одобрила температуру, ополаскивают ее слабой струей. Ни-

на поднимает ее тяжелые груди, чтобы как следует вымыть тело под ними. Лиллемур смотрит на нее и говорит: *«Я хочу домой к Господу, но решила пожить еще немного»*, и Нина отвечает: *«Вот и хорошо, Лиллемур»*. На кафельной плитке прилеплены наклейки, с которых нежно улыбаются ангелы.

Они проходят мимо закрытой двери в Г6 и заходят к Анне в Г7. *«Кажется, яблоко выкатилось»*, – увидев их, говорит Анна. Ее яростно-красная прямая кишка и правда торчит из заднего прохода. Это ректальный пролапс, с которым не может справиться ни одна операция. Анна радостно щебечет о планах на день, пока Нина и Сукди вытирают ее махровыми салфетками и осторожно вправляют кишку, смазав ее вазелиновым маслом. *«Я поеду во Францию, всегда туда хотела»*, – говорит она. Когда Нина спрашивает, что она там будет делать, Анна отвечает, что посмотрит Эйфелеву башню и съест кучу пирожных. *«Весной там наверняка замечательно, тогда и поеду. Бог не выдаст, свинья не съест»*. Анна радостно смеется. Мечтательно смотрит в окно.

Г8 – единственная квартира с двумя жильцами. Дагмар уже проснулась к их приходу. Сукди будит Веру, спящую на второй кровати. *«Доброе утро, Дагмар, – здороваются Нина. – Хорошо спалось?»* Та уставилась на нее красными слезящимися глазами. На стене рядом с кроватью висят акварели и карандашные рисунки, на которых изображена молодая и красивая Дагмар. Когда Нина приближается к ней, она с предвкушением ухмыляется. Из-под одеяла высовывается

рука, запачканная фекалиями. Дагмар машет рукой и улыбается беззубым ртом. *«Не надо, Дагмар!»* – предостерегающе кричит Вера со своей кровати. Потом оборачивается и смущенно смотрит на Сукди: *– Не сердитесь на нее. Она не со зла»*.

Через некоторое время Нина варит кашу на кухне, а Сукди делает бутерброды. Они ставят на подносы чашки с кофе, поильники и глубокие тарелки с широкими бортиками. Рядом кладут удобные ложки.

После завтрака некоторые жильцы идут в комнату отдыха смотреть телевизор. Нина берет с полки DVD-диск со старой комедией и ставит его. Дагмар уже клюет носом в своем кресле-коляске, а Петрус таращится на бестолковую горничную на экране. *«Ах ты шлюха!»* – кричит он. *– Потаскуха!»* Вера нетерпеливо шикает на него. Дагмар мирно похрапывает.

Юэль

Мама без движения сидит в зеленом пластиковом кресле перед домом. Медленно жует бутерброд, который сделал Юэль. Ничего другого она теперь не ест. Нет аппетита, она больше не чувствует вкусов. Самому Юэлю сегодня кусок в горло не лезет.

Мамины волосы все еще влажные. Юэль заколол их с двух сторон. Отросшая седина никуда не делась. Мама так разозлилась из-за того, что пришлось принимать душ, что он не решился красить ей волосы, краска, скорее всего, попала бы ей на лицо, на стены и мебель – в общем, куда угодно, только не на волосы. Мало того, потом Юэлю пришлось бы снова отправить маму в душ, чтобы смыть краску. Когда мама злится, она становится на удивление сильной. Но теперь ее плечи съезжились. Взгляд абсолютно пустой.

Юэль делает глоток растворимого кофе. Прислоняется головой к стене из этернитовых панелей и закрывает глаза. Уже жарко. В дикорастущих кустарниках шелестит легкий бриз. Родители сажали их, чтобы скрыться от посторонних глаз, но теперь здесь почти никто не проезжает. Многие дома чуть дальше в лесу опустели. Соседи, жившие здесь, когда Юэль был ребенком, умерли один за другим. Скоро и в этом доме никого не останется. Через четыре дня придет риелтор.

Кто вообще остался в этих краях? Видел ли Юэля в су-

пермаркете или на автозаправке какой-нибудь бывший одноклассник, пошли ли слухи о том, что он вернулся? *Тот самый Юэль, который думал, что что-то из себя представляет.* Он снова открывает глаза. Допивает кофе. Ставит чашку на шаткий столик. Клетчатая клеенка покрыта застарелыми пятнами от кофе и чашек.

Мама перестала жевать. Остаток бутерброда лежит на тарелке. Сыр уже плавится на солнце.

– Не хочешь есть? – спрашивает Юэль.

Мама мотает головой.

У Юэля нет сил на уговоры. Он показывает на таблетки, которые приготовил для нее:

– Прими их.

– Нет. Понятия не имею, что ты в меня запихиваешь.

– Это для сердца, – поясняет Юэль.

– С сердцем у меня все в порядке, – заявляет мама и сжимает губы.

Упрямая старуха. Просто прими эти чертовы таблетки. Ты что, не понимаешь, что я хочу помочь?

Но произнести это вслух он не может. Поэтому закуривает. Старается не замечать узел в животе, который затягивается все сильнее.

Нина

Утреннее собрание близится к концу, когда заведени-ем Элисабет рассказывает о новом клиенте, который сегодня въедет в квартиру Г6.

– Моника Эдлунд, – сообщает она. – Семьдесят два года. Из Люккерета.

Нина поднимает глаза. Ее словно ударило током, но никто за столом этого не замечает.

– Периодическая спутанность сознания после инфаркта, – зачитывает Элисабет сведения из папки. – Потеряла сознание в аптеке в Кунгэльве, ну, можно сказать, что хоть в чем-то ей повезло...

Нина снова смотрит в стол. Чувствует, как из подмыш-ки ползет капля пота. Нина осознает, что сквозь стеклянный потолок в общем зале «Сосен» жарит солнце. Такое ощущение, что сидишь в теплице.

– ...остановка сердца, но была реанимирована в результате дефибриляции в машине «Скорой помощи»...

Капля пота холодеет, течет по Нининой талии.

– ...коронарная ангиопластика и стентирование... После реабилитации почти полгода ее посещал соцработник, базовую медицинскую помощь оказывала участковая медсестра. Несколько раз ее забирала полиция, когда она уходила из до-му и блуждала по округе, поэтому нужны датчики движения.

Несколько раз падала с кровати, поэтому я получила разрешение на установку защитных бортиков.

Элисабет говорит рублеными фразами. Равнодушными. Бесчувственными. Да и откуда взяться другим? Для нее Моника Эдлунд – всего лишь очередное имя. А после этого собрания не будет и имени его. Превратится просто в Гб – коротко и ясно.

– Что касается препаратов, то лечение стандартное, – продолжает Элисабет. – Тромбил, аторвастатин, метопролол, рамиприл, брилик. Галоперидол от тревожности при необходимости и имован на ночь.

Галоперидол. Если Монике нужны лекарства от паранойи и психотических расстройств, дело плохо. Значит, деменция – это то, что ее пугает. Возможно, вызывает агрессию.

– Кто ее привезет? – спрашивает Нина.

– Ее сын Юэль, который жил с ней последнее время.

Юэль. Он вернулся?

Из подмышки снова текут капли пота, пока Нина пытается представить себе Юэля сегодня. Несколько раз она искала что-нибудь о нем в Интернете, но его нет в социальных сетях. Удалось найти лишь несколько фотографий. У Юэля темные волосы, он чересчур худой, черты лица слишком угловатые. Он никогда не улыбается. Последней фотографии больше семи лет.

Сложно представить себе взрослого Юэля. Как и то, что он вообще продолжал существовать после того утра, когда

уехал из Скредсбю на только что купленной подержанной машине.

– Известно, во сколько они приедут? – спрашивает Нина, и ей удается справиться с волнением в голосе, теперь он звучит нормально.

– После обеда, – отвечает Элисабет. – Ты его знаешь? Вы же почти ровесники?

Знает ли она Юэля? И что на это ответить? Чтобы кто-то вроде Элисабет все понял? И кто бы поверил в то, что она, Нина, когда-то была такой, какой она была только с Юэлем? Ей и самой в это не верится.

– Мы учились в одном классе, – говорит она.

Элисабет больше не задает вопросов. Она уже потеряла интерес к этому разговору и перешла к следующей мысли. Женщина захлопывает папку и встает из-за стола:

– Так, пожалуй, на сегодня это все. Не забывайте следить за тем, чтобы клиенты пили больше жидкости. Похоже, эта жара еще продержится какое-то время.

Стулья мягко царапают ламинат, когда остальные встают из-за стола. Четирем отделениям пора готовиться к обеду, который скоро доставят из кухни общественного питания в Кунгэльве. Но Нина все еще сидит. Смотрит на коридор Г, где ходит Виборг, прижав к груди игрушечную кошку.

– Ты в порядке? – спрашивает Сукди.

Нина смотрит на нее.

– Просто немного устала, – отвечает она, пытаясь улыб-

нуться.

Она совсем не устала. Ни капельки. Наоборот, она чувствует необычную энергию.

– Этот Юэль – твой бывший парень или вроде того?

– Нет, – говорит Нина, и ее улыбка превращается в судорожное подергивание губ.

Сукди забирает чашки и уходит, Нина провожает ее взглядом. Через стекло, отделяющее их от комнаты для персонала в отделении Г, видит, как ее напарница открывает посудомоечную машину. Нина встает.

В общий зал, склонившись над роллатором, заходит Эдит. Запущенный остеопороз согнул ее позвоночник под углом в почти девяносто градусов.

– Добрый день, – здоровается она. – Меня зовут Эдит Андерссон, я секретарь директора Пальма.

Она требовательно уставилась на Нину сквозь молочную пелену на глазах.

– Здравствуйте-здравствуйте, – рассеянно отвечает Нина.

Эдит недовольно качает головой, возможно, возмущенная тем, что Нина не представилась. Затем моргает. Бесконечный цикл в ее голове начинается заново.

– Добрый день. Меня зовут Эдит Андерссон, я секретарь директора Пальма.

Нина выносит термос с кофе в коридор. Ставит его на тележку, предназначенную для родственников жильцов. За спиной поскрипывают колеса роллатора Эдит. – Добрый

день. Меня зовут Эдит Андерссон, я секретарь директора Пальма.

– И вам добрый день, – говорит Сукди, выйдя из комнаты для персонала. – Думаю, пора сменить вам подгузник.

Начинает пищать сигнализация, и Нина бросает взгляд на коридор. Лампочка горит рядом с квартирой Г2. Квартирой Петруса.

– Я разберусь.

Сукди удивленно смотрит на нее:

– Эдит может немного подождать.

– Добрый день, – начинает Эдит. – Меня зовут...

– Ты в самом деле хочешь пойти к Петрусу одна? – продолжает Сукди громко, чтобы заглушить голос старухи.

– Ничего страшного, – говорит Нина.

Сейчас она сделает что угодно, лишь бы отогнать мысли о Юэле и Монике.

Юэль

Что-то скребет в водостоке над террасой. Свистит, когда одна из живущих под крышей ласточек пикирует к земле, а затем снова взлетает. Мама просыпается. Моргает и смотрит прямо на Юэля. Взгляд у нее ясный. Осознанный. Умный.

Она снова мама.

– Нильс ждал меня, – произносит она. – На другой стороне.

Юэль снова закуривает. Пытается скрыть разочарование. Он знает, что сейчас будет, и не хочет этого слышать. – Он все время ждал там, пока я приду. Не знаю, на небесах я была или еще где. Думаю, да. Но потом меня вернули обратно.

Из бесцветных маминых глаз текут слезы. И Юэлю хочется, чтобы и он мог верить в то, во что верит мама. Что свет в конце тоннеля и любимые родственники, ждущие с распростертыми объятиями, что-то большее, чем галлюцинации, вызванные дефицитом кислорода в мозгу.

– Нильс пошел со мной, но ему трудно остаться здесь на земле. Его не должно здесь быть. И меня тоже.

Мама смотрит на Юэля, как ребенок, который ищет утешения. Мама, которая никогда не показывала свою слабость. Юэль тянется через стол. Берет ее руку в свою. Гладит костяшки пальцев. Слышит порыв ветра в лесу на холме.

– Я так сильно по нему скучаю, когда его здесь нет, – го-

ворит мама. – Он был таким красавцем, мой Нильс.

Мама замолкает, словно куда-то проваливается, и Юэль думает, где она сейчас. Среди воспоминаний об отце? Что она видит перед собой?

Юэль понятия не имеет, кем был его отец. Он всю жизнь был окружен его фотографиями, но за пределами рамок нет никаких воспоминаний. Он – житие святого, мамина большая любовь, которая умерла от рака, когда Юэлю было два года.

Теперь Юэлю почти сорок, он уже прожил больше, чем отец.

– Доктора должны были дать мне умереть, – сетует мама. – Зачем они меня вернули к жизни? Я была готова.

Мама высвобождает руку и вытирает щеки. Кажется, она приняла какое-то решение.

– Ох, что я говорю, – спохватывается она. – А вдруг дети слышали?

Юэль холодеет внутри. Ему уже давно пора привыкнуть, но это всегда происходит неожиданно.

– Мама, – говорит он, – это же я.

Она смотрит на него. Взгляд все еще живой. И одновременно искренне удивленный.

– Это я. Юэль. Твой сын.

Мама раздраженно фыркает:

– Ты же не думаешь, что я совсем дура?

Юэль затягивается. Дым смешивается с пресным после-

вкусием от кофе.

– И кто же я, по-твоему? – спрашивает он, понимая, что делать этого не следовало.

– Ну... это же ты! Я ведь тебя знаю. Ты уж извини, что не помню твоего имени, вас, помощников, тут так много. Хотя большинство, конечно, девушки.

Мама взволнованно смотрит на Юэля. Обхватывает себя руками, словно замерзла.

– Но я благодарна, правда, – добавляет она. – Вы все такие молодцы.

Даже деменция не может искоренить привычку всегда проявлять благодарность.

Когда Юэль и его брат были детьми, мама работала телефонистом-диспетчером в муниципалитете Кунгэльва. Отец оставил после себя небольшую пенсию. Денег у них всегда было мало. Только когда Юэль переехал в Стокгольм, он понял, что между средним классом там и здесь огромная разница. У его друзей в Стокгольме есть контакты, и они не стесняются их использовать. Отстаивают свои права. Злятся. Но мама никогда не стала бы жаловаться, никогда не попросила бы о чем-то дважды. А если все время бояться, что кто-то использует твою слабость, помощи вообще не дождешься. Юэль знает, что мама терпеть не могла соцработников, которые никогда не делали уборку как надо, ненавидела, что незнакомые люди приходят в их дом без предупреждения. И теперь она принимает Юэля за одного из них.

– Но это же я, мама, – говорит он. – Это я, Юэль. И Бьёрн тоже уже взрослый. У него теперь своя семья. – Да что ты говоришь? – отвечает мама.

Юэль снова затягивается. Пытается сохранить спокойствие.

– Прими лекарство, – просит он.

– Да что ты заладил! Что внутри этих таблеток?

Юэль склоняется над выложенной камнем дорожкой, двигает стоящую там стеклянную банку. Сигарета, шипя, тухнет, когда он давит ее в каше из воды и старых окурков. С тем же успехом можно упаковать оставшиеся мамины вещи. Потом предпринять очередную попытку с таблетками – вдруг она станет более сговорчивой? Юэль встает и идет за угол к входной двери.

В ванной он собирает мамину косметичку в цветочек. Духи и кремы, которые Юэль дарил ей на дни рождения и Рождество, стоят нетронутые на верхних полках в шкафчике над раковиной. Мама считала, что они слишком хороши, чтобы их использовать, а теперь срок их годности уже давно вышел.

Юэль пытается сбить пульс. Закрывает дверцу шкафчика, встречается в зеркале с собственным взглядом. Те же серые глаза, что и у мамы, и он задумывается, что будет, когда он сам состарится. Учítывая все, что он творил с собственным мозгом, не появились ли в нем уже дыры? Гниль, которая медленно распространяется. Съедает его воспоминания, его «я».

Или это случится так же внезапно, как и у мамы?

Внутри просачивается тревога. Юэль не знает, как с этим справиться.

Скоро все закончится. Скоро. Надо только выдержать еще пару часов. Потом я уже не буду за нее отвечать.

«Сосны» находятся всего в нескольких километрах отсюда, по ту сторону холма, но это совершенно другой мир. Что станет с мамой, когда она туда приедет? Когда рядом не будет сада, дома и всех наполнявших его вещей? Что тогда будет пробуждать ее воспоминания? Вызывать редкие проблески той, кем она когда-то была?

Но какие у меня варианты?

Холодное покалывание на лице, в кончиках пальцев.

Юэль копается в пакете с мамиными лекарствами, лежащем на стиральной машине. Находит упаковку галоперидола, которую оставила медсестра. На наклейке написано: «ОТ ТРЕВОЖНОСТИ. ОДНА ТАБЛЕТКА ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ». Обычно это лекарство маму успокаивает.

Юэль колеблется. Прошло шесть лет и два месяца с тех пор, как он закончил прибегать к помощи химических веществ, не считая алкоголя. Но сегодня день, когда он отправляет маму в дом престарелых. Это должно считаться исключительным случаем.

Юэль берет две таблетки, наклоняется над раковиной и запивает их водой из-под крана.

Нина

Нина заходит в Г2 и видит, что Петрус отбросил одеяло. Обрубки ног широко раздвинуты, и он дергает и тянет свой дряхлый член. Смотрит на нее.

– Ну что, хочешь попробовать его на вкус? – спрашивает он.

Нина переводит взгляд на шланг катетера:

– Меня больше волнует, что вы себе мозоли натрете, если и дальше будете продолжать с таким рвением.

Петрус смеется:

– Покажи киску. Мой дружок хочет познакомиться с тобой киской.

Петрус не виноват. Все это говорит и делает не он, а его лобно-височная деменция. Иногда Нине приходится напоминать себе об этом, чтобы не ненавидеть его. Она подходит ближе к кровати.

– Да, вот так, – говорит он. – Давай ложись рядом со мной. Или сверху, это мне нравится.

Петрус дергает все сильнее, но член остается вялым, лишь старая кожа и сухая слизистая оболочка. За все годы, что Петрус живет в «Соснах», Нина никогда не видела, чтобы его член стоял.

– Давайте оставим его в покое, – говорит она, накрывая Петруса одеялом.

Он молниеносно выдергивает из-под одеяла руку. Пальцы хватают Нину за запястье. Петрус был моряком, пока диабет не лишил его сначала одной ноги, а потом и второй. Кулаки у него по-прежнему сильные как тиски. Нине не вырваться.

– А теперь потрахаемся, – произносит Петрус и притягивает женщину к себе так сильно, что она теряет равновесие.

Нина ищет рукой тревожную кнопку, которая висит у Петруса на шее, но никак до нее не достает. Она оборачивается к двери, чтобы позвать на помощь. Видит, как из холла бежит жена Петруса.

– Петрус! – кричит она. – Петрус, прекрати сейчас же!

На мгновение Петрус отвлекается, и Нине удастся разжать его пальцы и отойти на несколько шагов. Она смотрит на запястье. На руке остались ярко-красные следы.

Петрус громко и радостно смеется. Его жена с грустью смотрит в пол в нескольких сантиметрах от ног Нины.

– Мне очень жаль, – извиняется она.

– Ничего страшного.

– Он предпочел бы умереть, чем вести себя так, – продолжает жена Петруса, все еще не глядя на Нину. – Мне ужасно стыдно, когда я думаю, за чем вам приходится наблюдать.

– Что бы он ни сделал, мы видали вещи и похуже, – отвечает Нина. – Честно. Мы привыкли. Не волнуйтесь за нас.

Жена Петруса слабо улыбается и кивает. Нина кладет руку ей на плечо и выходит из квартиры. Закрывая дверь, она слышит, как Петрус начинает ругаться.

В коридоре все тихо и спокойно. Внучка Виборг ходит покачиваясь, над поясом юбки нависает огромный живот. Такая жара – сущий кошмар для беременных на последних месяцах. Лицо у женщины пунцовое и потное, похожее на блестящее яблоко. Но она радостно машет рукой, а затем открывает дверь в квартиру Г1.

Нина на секунду останавливается. Смотрит на закрытую дверь в Г6. Ее тянет туда словно магнитом.

Всего лишь несколько дней назад она сидела там и дежурила у постели Бритт-Мари. Иногда кажется, что после смерти мертвые остаются здесь на несколько недель, но от Бритт-Мари не осталось и следа. Да и зачем ей оставаться? Она хотела покинуть это место.

Нина боится встречи с совсем другими призраками.

Она открывает дверь. Заходит в прихожую. Видит несколько пальто, которые уже висят на крючках под шляпной полкой. Проходит в комнату. Шторы задернуты, в квартире полумрак. Она тут же узнает мебель. Странно видеть ее снова, втиснутую в такое маленькое пространство. Должно быть, Юэль привез ее вчера, когда у нее был выходной. Столовый гарнитур, который смастерил дед Юэля. Кресло из василькового плюша. Прикроватный столик Моники. Комод затолкали в угол рядом с окном.

Нина идет туда и открывает окно, чтобы впустить в комнату свежий воздух. Делает глубокий вдох. Слышит крики детей на футбольном поле, шум машины вдали. Подходит

к кровати, смотрит на развешенные на стене фотографии. Самая большая из них – свадебная. Из овальной рамы из черного пластика смотрит двадцатилетняя Моника. Темные волосы коротко подстрижены по моде шестидесятых, губы темные и полные, глаза светлые, словно что-то освещает их изнутри. Ее муж – широкоплечий блондин. Красивый, как кинозвезда. Нина переводит взгляд дальше, на фотографию Бьёрна рядом с церковью Люкке. У брата Юэля такие же светлые волосы, как у их отца. Бежевый пиджак с огромными плечиками, в руках – подарки на конфирмацию. Рядом висит фотография двух мальчиков школьного возраста. Наверное, сыновья Бьёрна. Они широко улыбаются в объектив из бассейна с водой невероятно бирюзового цвета. Крупные зубы выделяются на маленьких лицах.

И вот Юэль. Нина чувствует укол внутри, когда видит фотографию из последнего класса школы. Высветленные волосы, косой пробор. Относительно опрятный вид.

Юэль был для нее всем. Нина любила его и любила себя такой, какой была рядом с ним. Другой. Более открытой. Но на самом деле она никогда такой не была. Эту фотографию сделали лишь за несколько месяцев до того момента, когда она решила предать его.

Нина предала и Монику. Так и не объяснила ей, что произошло.

Иногда Нина видела Монику в продуктовом магазине или в машине, когда они проезжали мимо друг друга на местной

дороге. Но Нина всегда обходила мать Юэля стороной. Делала вид, что не замечает. Моника так никогда и не узнала, как много значила для Нины. А теперь, наверное, слишком поздно. Если Моника переезжает в «Сосны», возможно, она ее даже не помнит. — Он уже едет.

Голос звучит совсем рядом с Ниной. Она оборачивается, встречается взглядом с Будиль.

— Кто? — спрашивает Нина.

— Новый жилец, кто же еще!

Будиль с надеждой смотрит на Нину. На ней тапки из овечьей шерсти, и Нина думает, как же глубоко она погрузилась в раздумья, что она даже не слышала, как Будиль, шаркая, подошла к ней.

— Сюда въедет женщина, — говорит Нина. — Ее зовут Моника.

— Еще чего! Это мужчина, — возражает Будиль, в предвкушении оглядывая комнату. — И к тому же красавец. Я видела, как он бродил здесь ночью.

Юэль

В мамином стареньком «нисане» удушающе жарко, хотя он стоял в сарае. Юэль включает кондиционер. Выезжает на площадку перед домом, и салон машины заполняет сухой, прохладный воздух, охлаждающий влажный лоб Юэля. Мама молча сидит рядом на пассажирском сиденье и крепко держит лежащую на коленях сумочку. Когда Юэль отъезжает от дома, она закрывает глаза. Не понимает, что навсегда покидает дом, в котором прожила всю свою взрослую жизнь.

Дом постепенно уменьшается в зеркале заднего вида и совсем исчезает за деревьями, когда Юэль делает крутой поворот и спускается с холма к дороге, которую мама называла «большой». На самом деле она настолько узкая, что приходится съезжать на обочину, чтобы пропустить встречную машину.

Солнечные очки Юэля все время сползают по потной переносице. Он вытирает лоб и ждет, пока мимо проедет кемпер. Делает глубокий вдох и выруливает на большую дорогу, проезжает мимо разрисованной граффити автобусной остановки из гофрированного железа, на которой он в детстве ждал школьный автобус. Едет дальше к Скресдбю. По левую сторону до холмов простираются поля и пастбища. Справа на крутых склонах растет буковый лес. Солнце пробивается сквозь листву яркими, ослепляющими вспышками. Мама

зажмуривается и едва слышно что-то бормочет.

Юэль снова вытирает пот с лица и замечает, что его рот двигается, словно он что-то жует. Челюсти напряжены, и это ощущение ему знакомо слишком хорошо. Навалилось чересчур много впечатлений, Юэль не в состоянии их систематизировать. Каждый листочек на ветвях буков, каждая травинка вдоль дороги остаются в памяти. Юэль все время косится на спидометр, кажется, все происходит слишком быстро, но скорость не превышает пятидесяти километров в час. Перед ветровым стеклом пролетает стрекоза, и сердце Юэля колотится так, словно он увидел, как на дорогу вышла косуля.

Это от таблеток. И с каждым ударом сердца становится только хуже. Юэль открывает окно, чтобы впустить в салон побольше воздуха.

Они подъезжают к развязке, оставляют позади бензозаправку и двигаются к центру Скредсбю. Здешний центр – всего лишь парковка, окруженная пиццерией, свалкой, парикмахерской, которая, кажется, никогда не работает, и закрытым все лето цветочным магазином. Здесь же заброшенный продуктовый магазин, который не выдержал конкуренции с огромными гипермаркетами в Иттербю и Кунгэльве. Несколько подростков повисли на мопедах, они шутили переругиваются ломающимися голосами, совершенно не осознавая, насколько это глупо.

Юэль дотрагивается до подбородка, пытается сделать так, чтобы нижняя челюсть не двигалась. Он минует футбольное

поле и въезжает на парковку перед «Соснами». Выключает двигатель.

Такое ощущение, что машина продолжает движение. Юэль смотрит вперед. Деревья, которым «Сосны» обязаны своим названием, колышутся мечтательно, будто во сне. Здание то увеличивается, то уменьшается в размерах.

Юэль достает телефон, вытирает мокрые кончики пальцев о джинсовые шорты. Вбивает в поисковике «галоперидол». Понимает, что это не только успокоительное средство, но еще и антипсихотическое. Пока он читает, его снова бросает в пот, и майка прилипает к телу. Список побочных эффектов длинный. Очень длинный. Юэль пытается высчитать, сколько часов прошло с тех пор, как он выпил последний бокал вина сегодня ночью.

Что ты наделал, Юэль? Что же ты наделал?

Мама открывает глаза и выпрямляется на пассажирском сиденье. Оглядывается:

– Что мы тут делаем?

Юэль откашливается.

Голос должен быть радостным.

– Ты же будешь здесь жить, мама.

И снова откашливается. Думает, действительно ли немеет язык или просто воображение разыгралось? Ему бы выпить воды, и тогда говорить станет чуть легче.

– Разве... Я ведь не буду здесь жить? – спрашивает мама.

– Будешь, – отвечает Юэль, сжимая в руках руль. – Твою

мебель уже привезли.

Надо изображать беззаботность. Здесь нет никаких проблем.

– Все будет хорошо, – продолжает Юэль и снова поправляет солнечные очки. – Ты же знаешь, как нелегко тебе жить одной...

Мама открывает рот, чтобы возразить, но Юэль не обращает на нее внимания, заставляет язык двигаться во рту:

– ... и мы с Бьёрном за тебя волнуемся.

– Нечего за меня волноваться, – быстро реагирует мама.

Она заняла оборонительную позицию. Может, все же догадывается, что с ней что-то не так?

– Но ведь нам не все равно, – говорит Юэль.

Он хочет только, чтобы все это закончилось. Хочет вернуть свою жизнь. Но мама сжимает губы. Не собирается соглашаться на такое. И внезапно внутри Юэля закипает гнев. На нее. На Бьёрна, которого сейчас здесь нет. На таблетки. На всю свою гребаную жизнь.

– Хотела бы я понимать, что ты делаешь, – произносит мама.

Да я и сам не против, было бы офигенно здорово.

– Пойдем, – говорит Юэль, выходя из машины.

Солнце жарит вовсю. Слепляет Юэля. Воздух такой влажный и тяжелый, что в нем ощущается сопротивление. Земля покачивается под ногами.

Юэль стискивает зубы, чувствуя приближающуюся тош-

ноту. Достает чемодан из багажника, затем открывает пассажирскую дверь:

– Выходи.

– Я хочу домой, – говорит мама. – Мне надо быть дома, когда придет твой папа.

Чертova старуха, все это ради тебя, как же ты не понимаешь, нет, не понимаешь, потому что ты теперь вообще ничего не понимаешь, ты не можешь заботиться о себе сама, ты же сожжешь дом, или упадешь и разобьешься, или опять уйдешь ночью из дому и тебя собьет машина, или заблудишься в лесу, я не могу заботиться о тебе, я не справлюсь, у меня больше нет сил, прости, тебе всегда хватало сил заботиться о нас, но я не могу.

– Обещаю, тебе здесь понравится, – уверяет Юэль.

– Но я же не могу просто взять и уехать от Нильса! Что он на это скажет?

Он ничего на это не скажет, потому что он МЕРТВ.

– Ты можешь хотя бы попробовать? Только на одну ночь. Видимо, Юэль готов сказать что угодно.

– Пойдем, – просит он, протягивая матери руку.

Как ни странно, она ее принимает и выходит из машины. Смотрит на четырехугольное кирпичное здание и нервно поправляет прядь волос за ухо.

Они поднимаются по лестнице, широкие входные двери со скрипом открываются. В холле прохладнее. Пол под Юэлем шатается, и на секунду он сомневается, мама опира-

ется на него или наоборот. Ламинат как будто залит водой, и на ее поверхности плещется рисунок из точек.

Здесь две двери. Прямо перед ними дверь в отделение А. Слева – отделение Г. Юэль тянет маму туда и нажимает на звонок. Смотрит сквозь стекло на окрашенный в зеленый цвет коридор внутри. Кажется, он медленно вертится вокруг своей оси. К горлу Юэля подступает тошнота.

Ему хочется сбежать отсюда, оставить маму, словно она найденыш, но вот за стеклом появляется заведующая отделением. Быстрые шаги в кроксах, локти энергично двигаются вдоль туловища. Она машет им, и Юэль машет в ответ, делает вид, что трет подбородок, чтобы удостовериться в том, что он больше не двигается.

Дверь открывается, и заведующая отделением ослепительно им улыбается.

– Добро пожаловать, проходите, – говорит она голосом ведущей детской программы. – Очень приятно познакомиться, Моника. Меня зовут Элисабет, я заведующая отделением и старшая медсестра.

Юэль ничего не говорит – боится, что его слова прозвучат неразборчиво. Он осторожно подталкивает маму перед собой. За ними запирается дверь. В коридоре сильно пахнет чистящими средствами, ламинатом и спертый воздухом. Угадывается и слабый, но отчетливый запах застарелой мочи. У Юэля возникает ощущение, что этот запах, сладковатый и душный, никогда не исчезнет, что он пропитал лами-

нат навсегда. Он неохотно снимает солнечные очки и вешает их на ворот. Интересно, как сейчас выглядят его зрачки? Где-то начинает слишком громко пищать сигнализация.

Элисабет рассказывает маме о пансионате. Юэль не слушает, лишь иногда кивает – там, где это кажется ему уместным. Ему здесь уже все показали, и сейчас он занят тем, чтобы не выглядеть как торчок.

– Тут у нас комната отдыха, – говорит Элисабет.

Мама безразлично смотрит туда, и Юэль следует за ее взглядом. Видит подушки на диванах. Телевизор. Букеты бессмертников, которые украшают шкаф с DVD-фильмами и книгами. На стене – репродукции картин Маркуса Ларсона². Корабли, на море шторм, пенящиеся волны бьются о скалы, небеса пылают. Слишком драматично, тревожно.

– Продолжим? – спрашивает Элисабет, и Юэль понимает, что засмотрелся.

Они идут по коридору. Старушка, склонившись над роллатором, с интересом щурится на них покрытыми белой пеленой глазами. Позвоночник сгорблен настолько, что кажется сломанным пополам. Волосы взъерошены, на голове виднеется розовая кожа. В уголках рта собралась засохшая слюна.

– Добрый день, – говорит она звонким, на удивление молодым голосом. – Меня зовут Эдит Андерссон, я секретарь директора Пальма.

² Маркус Ларсон (1825–1864) – выдающийся шведский художник-пейзажист.

Мама останавливается и напряженно ей улыбается. – Моника, – представляется она. – Приятно познакомиться.

– Добрый день, – отвечает старушка. – Меня зовут Эдит Андерссон, я секретарь директора Пальма.

– Конечно, кто же еще, – говорит Элисабет, и в ее радостной интонации слышится нетерпение. – Но понимаете ли, дорогая Эдит, я сейчас занята с Моникой, надо ей все показать.

Мама беспомощно смотрит на Юэля. Ее взгляд говорит: *Видишь? И ты оставишь меня здесь? Вот с этими?*

К ним подходит женщина в бежевом хиджабе и голубой униформе.

– Добро пожаловать в «Сосны», – говорит она. – Меня зовут Сукди, я санитарка в этом отделении. А вы наше последнее пополнение, как я понимаю?

В ее голосе нет ничего похожего на фальшивую беззаботность Элисабет.

Прежде чем пожать руку Сукди, мама неуверенно косится на Юэля. Когда наступает его очередь представляться, ему удается выдать из себя свое имя.

– Добрый день, – говорит Эдит. – Меня зовут Эдит Андерссон, я секретарь директора Пальма.

Сукди кладет руку на искривленную спину:

– Вы снова гуляете? Я думала, вы собирались немного поспать.

Эдит смотрит на нее. Моргает.

– Добрый день. Меня зовут Эдит Андерссон, я секретарь директора Пальма.

– Тогда давайте продолжим, – говорит Элисабет и ведет Юэля и маму дальше по коридору. – Здесь у нас прекрасный зал, в котором наши клиенты вместе питаются. Но если вы захотите есть у себя, Моника, это тоже можно будет устроить.

Юэль идет за женщинами в атриум, поднимает глаза на стеклянную крышу, и ему кажется, что мир вот-вот опрокинется. Он пошатывается, быстро снова смотрит вниз. Смотрит на двери в другие коридоры. В воздухе все еще висит запах жареного лука и мяса, хотя обед уже закончился. Лишь две старушки сидят за одним из деревянных столов. Одна уставилась прямо перед собой, лицо ее искажено злобной гримасой. Она пристегнута к инвалидной коляске ремнем безопасности. Что-то похожее на фруктовый йогурт стекает у нее по подбородку. Старушка, сидящая рядом, кажется, только что оставила попытки ее накормить. И теперь с любопытством смотрит на них.

– А это Вера и Дагмар, – говорит Элисабет. – Они сестры и живут вместе в квартире Г8.

Мама здоровается, но Юэль замечает, что она старается не смотреть на испачканное лицо. У второй сестры на коленях лежит вязание. Кажется, про орнамент в какой-то момент забыли. Безголовые Деда Морозы танцуют под снегопадом.

– Здесь мы проводим большинство занятий, – продолжает

Элисабет. – Мы предлагаем пение, сидячую гимнастику...

Юэль кивает. Улыбается. Кажется, его губы растянулись настолько, что вылезли за границы лица. Элисабет украдкой смотрит на него.

Наверное, она думает, что я бухой. Или под кайфом. Может, надо объяснить, что мне понадобилось...

Понадобилось спереть лекарство у собственной матери? Черт, Юэль, да это тебя надо положить в какое-нибудь учреждение.

Они выходят из зала и снова попадают в коридор Г. Проходят мимо дверей в квартиры, на которых прикреплены ламинированные яркие листы А4. На них цветными мелками написаны имена – Виборг, Петрус и Будиль. Имя Виборг окружено по-детски нарисованными лошадьми, кошками и божьими коровками. Желтое солнце в левом углу отбрасывает жирные меловые лучи.

– Вы написали письмо о Монике персоналу? – спрашивает Элисабет.

– Нет, – отвечает Юэль. – Я забыл.

– Ничего страшного, но напишите к следующему разу. Много не надо. Кто Моника такая, какие у нее интересы, любит ли она что-то особенное.

Они останавливаются у Гб. Единственной двери без таблички с именем.

– Вот мы и пришли к вам домой, Моника, – улыбается Элисабет.

Мама смотрит на Юэля. Мотает головой.

– Давай же, мама, – произносит Юэль тихо. – Мы просто зайдём и посмотрим.

Она вздыхает и делает шаг в прихожую. Смотрит на маленькую раковину с жидким мылом и санитайзер около двери, а потом на шляпную полку с крючками для одежды, которая входит в стандартную меблировку.

– Это же мое пальто. И моя обувь. – Они вместе заходят в комнату. – И комод, который смастерил отец. Вот же он.

Мебель стоит слишком тесно. Кажется, стены со всех сторон надвигаются на Юэля.

К чему он принудил маму? Вместо целого дома едва ли двадцать квадратных метров. Вместо большого сада запертые двери и окна, которые можно только приоткрыть.

А что, если переезд станет для нее травмой? Травмой, которую мама не переживет?

Юэлю прекрасно известно, почему эта квартира освободилась. Кто-то умер. Может, даже в этой же кровати. Из таких мест, как «Сосны», никто не выбирается живым.

Нина

Нина складывает и сортирует одежду в прачечной в подвале «Сосен». Бесформенные футболки, которые легко надевать и снимать. Брюки и юбки на резинке. Ткани, ставшие мягкими и нежными после многочисленных стирок при высокой температуре. Движения Нины точны и эффективны. Она почти всегда знает, кому принадлежит та или иная вещь, даже не глядя на ярлычки с именами, которые нашивают родственники. Интересно, не забыл ли Юэль пометить одежду Моники? Нине трудно себе это представить.

Работа всегда была и остается для нее местом, где она чувствует себя уверенно, понимает, что от нее требуется, знает, как людям это дать. На каждый случай есть своя инструкция, четкие правила. На пунктирных линиях должны стоять подписи, в квадратах – крестики. Графики переворачивания для тех, кому грозят пролежни. Списки необходимой еды и медицинских препаратов. Дневники дефекации.

Нина знает, кто она здесь. Она все контролирует.

Но теперь она прячется в подвале.

Но долго скрываться не получится. Рано или поздно они с Юэлем встретятся. Просто она пока не готова к этому. И Нина пытается убедить себя, что избегает Юэля и ради него самого тоже. Этот день для него, скорее всего, и так достаточно травматичен, не хватало еще встретиться с ней впер-

вые за двадцать лет.

Шумят трубы под потолком. Одежда сложена и отсортирована. Нина бросает еще одну охапку только что постиранных простыней в сушильную машину. Аккуратно вытирает с дверцы порошок. Полощет тряпку и вдруг уголком глаза замечает мелькнувшую тень. Оборачивается к темному четырехугольнику дверного проема. Там никого.

– Здесь кто-то есть?

Нина выглядывает в коридор, люминесцентные лампы там погасли. Свет из узких окон под потолком сюда почти не доходит. Наверное, тень принадлежала кому-то, кто просто прошел мимо.

Нина заходит в кладовую. Берет список учета. Считает упаковки с медицинскими перчатками и бинтами. Утром пришла партия подгузников, и она надрезает упаковочный пластик и раскладывает упаковки на полки.

Вообще-то они с Юэлем могут и не встретиться. Говорят, он вряд ли задержится в Скредсбю даже на секунду дольше необходимого. Может, придет сюда раз или два, а потом снова исчезнет. Все вернется на круги своя.

Нина слышит, как в коридоре открывается дверь на лестницу. Лампы звякают и включаются снова. Раздаются быстрые шаги, которые она тут же узнает – это шаги Элисабет. Нина молча молится, чтобы ее не попросили помочь в Г6.

– Как хорошо, что я тебя нашла, – говорит Элисабет, появившись в дверях. – Думала, ты пораньше ушла домой.

В ее голосе слышится обвинение. Можно подумать, Нина когда-то пораньше уходила домой. Из-под рабочей блузы Элисабет ползут красные языки пламени, пятнами идут по шее. Почему-то она очень напряжена. – Я решила воспользоваться случаем и немного тут прибраться, – объясняет Нина.

– Вот оно что. Да, я только что говорила по телефону с Юханной. У нее *расстройство желудка*.

Элисабет многозначительно смотрит на Нину.

– Понимаю, – говорит та.

Обе знают, что, скорее всего, Юханна валяется дома с очередным похмельем. Нина надеется, что она скоро уволится. Мало того что на нее нельзя положиться, так она еще и не скрывает свое отвращение к старикам. И бедняги это видят.

С другой стороны, если у Юханны, вопреки ожиданиям, действительно расстройство желудка, лучше пусть сидит дома. Если в отделении начинает свирепствовать зараза, это превращается в кошмар для персонала и к тому же опасно для жизни стариков.

– Она должна была работать в ночную смену, – говорит Элисабет. – И мне больше некого попросить.

Обе знают, что Нина уступит. Она всегда уступает. Растягивать этот момент – только зря тратить время. Но Нина не может себе в этом отказать. Элисабет нетерпеливо смотрит на нее.

– Ты знаешь, что я бы взяла кого-то на почасовую оплату, если бы могла, – продолжает Элисабет. – Сукди и Файзал

не могут работать одновременно, а Горана отказалась. Вообще-то у нас нет денег на доплату тебе, так что меня это тоже не радует. Но вам ведь нужны деньги?

Нина молчит.

– И кто-то же должен быть здесь и заботиться о клиентах, да? – добавляет Элисабет.

– Да, разумеется.

– Я могу найти кого-то на твою утреннюю смену. Чтобы не пришлось работать вдвое больше.

Нина кивает. Это даже больше, чем она ожидала.

Один выходной. День, когда можно будет не бояться, что она встретится с Юэлем.

– Конечно, – говорит она.

– Отлично. – Элисабет исчезает из дверного проема, но через мгновение появляется снова: – Кстати, ты не поднимешься поздороваться в Г6? Ты же знала ее сына.

– Я хотела навести тут порядок... – Нина колеблется. – И как он, по-вашему?

Элисабет немного наклоняется вперед, словно в коридоре ее могут услышать. Что-то мелькает в ее взгляде. И Нина понимает – дело плохо.

– Мне не следовало бы этого говорить, – произносит Элисабет. – Но думаю, он пьян или что-то в этом роде.

Нина кивает, и ее наполняет чувство стыда.

Она была вынуждена сделать то, что сделала. Пришлось освободиться от Юэля так же, как она освободилась от соб-

ственной матери.

Юэль

Кто-то быстрым шагом входит в комнату. Юэль поднимает глаза. И успевает увидеть, как Элисабет натягивает на лицо улыбку.

– Как вы тут? – бойко спрашивает она.

Юэль кивает женщине. Хочет, чтобы она снова ушла. Одной рукой обнимает маму. Закрывает глаза.

Мама вкусно пахнет. Мылом и кондиционером для белья. Юэль заставляет себя открыть глаза, чтобы не уснуть. Часть него хочет только забраться в постель. У него нет ни малейшего представления о том, как он в таком состоянии сядет за руль.

– Мне пора идти, – невнятно шепчет Юэль.

– Ты и правда меня здесь оставишь? – спрашивает мама. Подбородок у нее сморщивается, нижняя губа подрагивает.

– Я вернусь завтра, – обещает Юэль.

Тонкие мамины пальцы нервно теребят юбку. Он замечает, что обручальное кольцо стало ей велико и болтается на пальце. Целует маму в лоб. Ощущает губами прохладную кожу.

– Если бы я только знала, что сделала не так, – говорит мама. – Если бы ты только мне рассказал, я бы все исправила.

– Ты не сделала ничего плохого. Конечно же нет.

– Тогда позволь мне поехать домой. Не хочу здесь оставаться. Нильс не найдет меня, если я...

– Вот увидите, вам здесь понравится, – перебивает старушку Элисабет.

Мама храбро ей улыбается:

– Наверное, здесь хорошо. Просто я не уверена, что мне это подходит.

– Многие так думают вначале, но потом всегда меняют свое мнение, – говорит Элисабет.

Да ну? Всегда?

Но Юэль едва ли может обвинить Элисабет во лжи, поскольку и сам делает то же самое.

– Ужасно это говорить, когда вы приложили столько усилий, – произносит мама, тщательно взвешивая каждое слово. – Но вообще-то я хочу домой.

В дверь стучат, и в квартиру заходит Сукди. Следом за ней идет полная старушка с коротко постриженными волосами. Из платья с коротким рукавом торчат руки, похожие на слишком высоко поднявшееся тесто. Она с интересом смотрит на маму сквозь толстые очки.

– Здравствуйте, – говорит Сукди. – Я хотела представить вас Лиллемур.

Лиллемур широко улыбается маме:

– Кажется, мы станем соседями. – Она кивает на стену так, что у нее трясется двойной подбородок. – Я живу в квартире рядом.

Мама вежливо отвечает на улыбку.

Лиллемур с любопытством осматривается:

– Какой чудесный комод.

Теперь мама улыбается искренне. Начинает рассказывать о своем отце, который в свободное время любил столярничать. Некоторые его работы есть даже в усадьбе Тофта. Оказывается, Лиллемур о нем слышала.

– Лиллемур, может, вы устроите Монике небольшую экскурсию? – предлагает Сукди.

– Да! – восклицает Лиллемур. – Но сначала вы должны увидеть мою комнату. Вам нравятся ангелы?

– Да, пожалуй, – смеется мама. – Они бывают очень симпатичными.

Юэль с благодарностью смотрит на Сукди, которая почти незаметно ему кивает.

– Прекрасная идея, – кивает Элисабет. – Тогда я займусь своими делами, но я очень рада вам, Моника. Мама едва успевает попрощаться, как ее снова что-то отвлекает. Лиллемур что-то говорит, громко смеется над собственной шуткой и одновременно тянет маму за собой в коридор. Открывается соседняя дверь, а потом смех Лиллемур слышится уже из-за стены.

– Обожаю пожилых людей, – произносит Элисабет. – Они такие замечательные, правда?

Говорить такое – полный абсурд. Сукди меняет позу, и Юэлю кажется, что заотделением ей тоже не нравится. И

поэтому сама Сукди ему нравится еще больше.

– Заходите потом ко мне в кабинет, чтобы решить вопрос с вашим пропуском, – говорит Элисабет и уходит. Юэль и Сукди заходят в соседнюю квартиру, и он останавливается на полушаге.

Со всех сторон их окружают ангелы. Над кроватью в раме висит постер, на котором пухлые херувимы задумчиво склоняют головы на руки. Лиллемур снимает фигурки и куклы с полки, показывает их маме, и та вежливо кивает, глядя на кроткие пластмассовые лица, расправленные крылья из покрытого перламутром фарфора, раздувшиеся тела из вязаной пряжи.

Юэль разглядывает ангелов. Их ответный взгляд кажется ему обвиняющим.

Одна стена покрыта картинами с изречениями, написанными витиеватым шрифтом.

НЕВОЗМОЖНО ЗАБЛУДИТЬСЯ НАСТОЛЬКО, ЧТОБЫ АНГЕЛЫ ПЕРЕСТАЛИ НАС ВИДЕТЬ.

КАК БЫ ТЫ СЕБЯ НИ ЧУВСТВОВАЛ И ЧТО БЫ НИ ДЕЛАЛ, ТВОЙ АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ НАБЛЮДАЕТ ЗА ТОБОЙ СВЕРХУ.

КЛОЧКИ ПЫЛИ ПОД КРОВАТЬЮ – ЛИШЬ КРОШЕЧНЫЕ ТАПОЧКИ АНГЕЛОВ.

Но под этой строго заправленной кроватью нет клочков пыли. Комната чистая и хорошо убранная, хотя и здесь угадывается запах мочи, старого тела, лекарств, которые выхо-

дят с потом.

Лиллемур рассказывает маме о фотографиях, выставленных на подоконнике.

— Это я с мужем, — говорит она, показывая на свадебное фото. — А это мои дети. А вон та — это моя учительница начальных классов. Она была такой доброй, что в конце каждого учебного года я плакала. — Лиллемур посмеивается и продолжает рассказ. В конце возвращается к свадебному снимку: — Это мои родители. А это я с братьями и сестрами. А вон там моя лучшая подруга.

Юэль должен отсюда выбраться. Прочь от этих запахов. Прочь от глазающих ангелов. Он сам сойдет с ума, если останется.

— Мама, — говорит Юэль. — Я собираюсь уходить. — Та открывает рот, чтобы что-то сказать, но Юэль успевает первым: — Я вернусь завтра.

Мама поправляет прядь волос за ухо.

— Завтра, — повторяет она. — Ну ладно.

— Вот и хорошо. Так и договоримся.

Мама кивает, и Юэль задумывается — что она чувствует? Смирилась ли с тем, что будет здесь жить? Понимает ли это вообще?

Он обнимает ее и выходит в коридор.

Сукди идет следом, говорит что-то о кабинете Элисабет и пропуске, но Юэль мотает головой. Шаги становятся все более неуклюжими. Всякий раз, когда он ставит ногу на пол,

ламинат оказывается дальше или ближе, чем он рассчитывал. Коридор растягивается перед ним, становится все длиннее.

У сервировочной тележки глубоко беременная женщина наливает себе чай. Она машет Юэлю рукой, он торопливо кивает в ответ, не в силах говорить еще с кем-то сейчас.

– Со временем станет легче, – ободряет его Сукди. – Ей просто надо привыкнуть.

– Думаю, мне тоже, – выдавливает Юэль из себя.

– Подождите пару недель. Это как с детьми, им тоже надо дать привыкнуть к детскому саду.

Юэль кивает, словно точно знает, как это бывает.

Наконец они дошли до конца коридора. По ту сторону двери находится холл. Путь наружу!

– Постарайтесь не волноваться сегодня вечером, – говорит Сукди. – Вам надо отдохнуть.

Юэль спрашивает себя, не скрыта ли в ее последней фразе осуждающая нотка. Он нажимает на дверную ручку, но дверь заперта.

– Код вон там наверху. – Сукди показывает на маленький клочок бумаги, скотчем приклеенный к дверному косяку. – Это ради безопасности жильцов.

Юэлю нравится, что она не называет их клиентами.

Сукди вводит код и открывает дверь. Юэль бормочет «спасибо». Концентрируется на том, чтобы пройти прямо через холл. Автоматические двери открываются, и он вдыхает

хает теплый воздух с улицы.

Юэль выходит на парковку и думает, видит ли его мама из окна квартиры Лиллемур. Он не оборачивается. Подходит к машине. Возится с ключами, сразу не попадает в замок. Когда он наконец садится на водительское сиденье и закрывает дверь, из него вырывается крик.

Нина

До конца смены Нины осталось полчаса, и она больше не может прятаться в подвале. Они с Сукди должны написать отчеты за день и передать их Горане и Рите, которые скоро их сменят.

Она неохотно поднимается в холл. Заглядывает в коридор Г сквозь стекло в двери, осознавая, как нелепо она выглядит. Не видно ни Юэля, ни Моники. Только Анна, которая оделась в весеннюю куртку и берет, чтобы отправиться на ежедневную прогулку.

Нина прикладывает пропуск и заходит в отделение.

Увидев ее, Анна сияет.

– Привет! – кричит она. – Какая сегодня прекрасная погода!

– Да, просто замечательная, – кивает Нина.

Анна гуляет под стеклянной крышей зала и думает, что находится на улице. На самом деле она не выходила из здания уже несколько недель. А может, и месяцев. – На нашу улицу переехала новая семья, – говорит Анна, показывая на Г6. – Женщина, кажется, довольно беспокойная. Но мужчины здесь очень нравятся.

Нина смотрит в ту сторону. Дверь в квартиру Моники закрыта. Интересно, там ли сейчас Юэль?

– Вряд ли это ее муж, – продолжает Анна.

– Нет, это ее сын. Юэль.

Как странно снова произносить его имя.

– Я не о сыне, – возражает Анна. – А о том, с кем она будет жить.

Нина рассеянно кивает и идет писать отчеты в комнату для персонала.

Сукди торопится домой к семье, Нина просто хочет убраться отсюда. Поэтому они работают быстро и продуктивно.

– А теперь Моника, – говорит Сукди, когда они доходят до отчета о Г6. – Она нервничала и уговаривала сына забрать ее домой. Когда он ушел, стало лучше.

Нина сдерживает вздох облегчения. Юэля здесь больше нет.

– Я привела Лиллемур, и она отвлекла Моника ангелами, – продолжает Сукди. – Сейчас она спит.

– Хорошо, – говорит Нина, и ей удастся сделать так, чтобы голос звучал ровно.

Когда они заканчивают с отчетами, заходит Рита. Садится за стол. Поджимает губы, и на верхней губе углубляются морщинки от курения.

– Горана конечно же еще не пришла.

Рита оглядывается, словно подозревая, что Горана где-то прячется.

– Сегодня все спокойно, – говорит Сукди. – Может, мы передадим вам дела, не дожидаясь ее?

Рита драматически вздыхает, но в кои-то веки не возражает.

Потом Нина и Сукди вместе идут в подвал переодеваться. Нина рада, что Сукди не спрашивает, что она здесь делала полдня.

Они выходят на лестницу и видят, что Горана как ни в чем не бывало стоит у входа и курит.

– Как сегодня дела в «Отеле Интерконтиненталь»? – интересуется она, и на ее заостренном, сильно накрашенном маленьком лице появляется усмешка.

Нина старается не показывать, как сильно ее это бесит. Горана обожает дразнить ее, и Нина слишком часто ей это позволяла.

– В целом все спокойно, – отвечает Нина. – Увидимся позже. Я возьму ночную смену Юханна. Потому что ты не захотела.

Если Горана и заметила колкость, то делает вид, что пропустила ее мимо ушей.

– Да уж, иммунитет у этой девицы и правда так себе, – только и говорит она, поднимая угольно-черную полосу, заменяющую ей брови.

– Мне пора, – прощается Сукди и звенит ключами от машины в руке. – Увидимся.

Горана кивает ей. Тушит сигарету в закрепленной на стене пепельнице.

– Ты не можешь курить на заднем дворе? – спрашивает

Нина. – Не очень приятное зрелище, когда персонал дымит у входа.

Горана с интересом смотрит на нее.

– Увидимся вечером, – только и отвечает она и идет внутрь.

Нина вздыхает. Жалеет, что не смолчала.

Она садится в машину и направляется в сторону усадьбы Тофта. Она ездит по этой узкой сельской дороге сотни, а то и тысячи раз в год. Впервые за долгое время дышать становится труднее, когда она приближается к съезду на Люккеред.

Юэль сейчас дома?

Проезжая мимо заброшенной автобусной остановки, Нина поворачивает голову. Когда она впервые вышла здесь из автобуса, крутой подъем еще не был заасфальтирован и его окружали высокие сугробы.

Нина хотела бы испытывать сочувствие к себе, тогдашнему подростку. Знает, что это было бы правильно. И если бы речь шла о ком-то другом, это было бы несложно. Но теперь на нее накатывает волна старого стыда. Нина, дочь алкашей из уродливых многоквартирных домов в Иттербю. Такая правильная и умная не по годам. Она лебезила перед учителями – так хотела, чтобы взрослые ее любили. Травля началась всерьез в старших классах, когда она и ее одноклассники перешли в другую школу и смешались с учениками из Скредсбю и других городков по соседству. Нина убеждала себя, что новые одноклассники просто шутят, что

она слишком остро на все реагирует. Она пыталась смеяться вместе с ними. Придумывала способы, как заставить ребят полюбить ее. И именно эти безуспешные попытки сейчас заставляют ее опустить голову от стыда за рулем.

Юэль первым предложил Нине забить на них. Он тоже не вписывался в компанию, но гордился этим. Он первым сказал девочке, что она красива. Иногда Нина даже осмеливалась этому верить.

Юэль был ей как брат. Нина даже видела в нем родственную душу. И Моника гораздо больше была девочке мамой, чем ее собственная мать. В глазах Моники Нина хотела быть идеальной. Но чем старше они становились и чем больше тайн о Юэле ей приходилось хранить, тем сложнее это было.

Когда боковая дорога пропадает из зеркала заднего вида, дышать становится легче. Теперь вдаль виднеется церковь Люкке, и Нина поворачивает налево к усадьбе Тофта. Проезжает хлева и сады, овец и лошадей в загонах. Едет по липовой аллее, ведущей к усадьбе, и сворачивает направо. Машину заполняет запах животных, когда Нина проезжает конюшню и поднимается по пригорку. На вершине несколько всадников останавливаются у края дороги, пропуская ее машину, и Нина машет им рукой. Съезжает с пригорка и едет дальше по петляющей полоске асфальта. Вдоль дороги пасутся коровы, за полем блестит вода залива. На фоне скал мачты парусных яхт кажутся белыми как мел. По другую сторону дороги в ряд стоят дома. В садах батуты, к стенам га-

ражей прислонены детские велосипеды.

Нина въезжает на подъездную дорогу, ведущую к желтой двухэтажной вилле.

Газон все еще не подстрижен.

Нина выходит из машины, большими глотками пьет соленый воздух. Прежде чем идти в дом, надо успокоиться. Не злиться, не быть несправедливой.

Он не понимает, насколько важны для меня эти вещи. На самом-то деле они совсем не важные. Я знаю. Просто Юэль и Моника сводят меня с ума.

Воздух в прихожей теплый и спертый, и Нина оставляет входную дверь открытой. Вешает сумочку на крючок, а ключи – в шкафчик. Аккуратно выставляет в ряд обувь.

Кухня залита солнцем. Мраморные поверхности блестят. Нина открывает холодильник. Смотрит на полки, которые заполнены едой, и это приятно.

Но надолго ли? Что будет, если Маркус не скоро найдет новую работу?

В голове Нины рождается мысленная спираль, которая начинается с процентов по кредиту, а заканчивается тем, что она становится бездомной. Она понимает, что не голодна. Не отходя от раковины, выпивает стакан воды.

Нина обожает эту кухню, этот дом. Сверкающее за окном море. Но в мысли вламывается Юэль и все портит. Меняется перспектива. Она смотрит на все его осуждающим взглядом.

Сломать можно все. Благополучная жизнь, которую Ни-

на себе собрала по крупичкам, становится жалкой, лишенной перспектив.

Иди на хрен, Юэль. Оставь меня в покое.

– Ау? – кричит она, заглядывая в гостиную.

Маркус лежит на диване с ноутбуком на коленях. Снимает наушники и заспанно смотрит на нее.

– Уже так поздно? – спрашивает он.

Нина не отвечает. Идет в ванную. Видит, что мокрое белье так с утра и лежит в стиральной машине.

Ее переполняет бешенство, оно почти опьяняет. Сейчас с ним справиться сложнее.

Маркус не виноват. У всех есть свои недостатки, со мной тоже ох как непросто.

Они разные. Маркус не знает, что значит расти в тех условиях, в которых росла Нина. Она всегда была вынуждена держать хаос под контролем. Любая нить могла распустить все полотно. Малейшая трещина могла превратиться в пропасть. У Маркуса никогда такого не было. Он полагается на то, что все рано или поздно наладится само собой.

Нет, возможно, он не понимает. Но он знает, что для тебя это важно, и все равно плюет на это. Плюет на тебя. Плюет на то, что нам придется переехать, если он не скоро найдет новую работу.

Нина нюхает мокрые носки. Обычный запах. Она вытаскивает все и бросает в сушилку.

Боже мой, это всего лишь стирка. Такой пустяк. Все дело

в том, что Юэль вернулся. И Моника.

Нина берет себя в руки. Включает сушилку и возвращается в гостиную.

– Ты сегодня поздно лег спать? – спрашивает она у Маркуса.

В ее голосе появляется что-то резкое и язвительное, что она не успевает пресечь.

– Я не мог уснуть, – отвечает Маркус.

– Если бы не спал по полдня, было бы проще.

Маркус обиженно смотрит на Нину.

Она вздыхает и выжимает из себя улыбку:

– Прости, я сегодня не в настроении. Придется работать в ночную смену.

Так удобно все валить на работу.

– Бедняга! Кажется, в термосе на кухне остался кофе, если хочешь, – предлагает Маркус.

Интересно, ему так же тяжело дается вежливая интонация? Эта вежливость хуже всего. Она похожа на смирительную рубашку, из которой Нине не выбраться.

– Лучше мне воздержаться от кофе, – говорит она. – Я попробую поспать, чтобы выдержать всю ночь. От Даниэля что-нибудь слышно?

– Нет. Он должен был позвонить?

– Было бы приятно узнать, что он хотя бы жив.

– Он объявится, когда ему понадобятся деньги, – улыбается Маркус и берет наушники.

– Юэль вернулся, – сообщает Нина.

Маркус поднимает на нее глаза. Теперь в его взгляде гораздо больше интереса.

– Ой! – только и произносит он.

– Монику положили в «Сосны».

– Ты с ним виделась?

Нина колеблется.

– Нет. Но Элисабет сказала, что он был пьян или что-то вроде того.

– Понятно, – фыркает Маркус. – Ну это не то чтобы сюрприз. Наверняка он все еще мечтает стать рок-звездой.

Звучит злорадно, и это напоминает о Нининых собственных запретных чувствах.

– Жаль его, – вздыхает она.

– Кроме себя, ему винить некого. – Маркус снова надевает наушники.

Юэль

Его будит телефон. Он растерянно смотрит по сторонам и не сразу понимает, что уснул на диване перед телевизором в гостиной. Свет не горит. Здесь внутри тот же синеватый сумеречный свет, что и за окном. Не день, не ночь, не светло и не темно. Кажется, будто он сам постепенно расплывается по краям, растворяется в пустоте.

Юэль берет телефон с журнального столика. Видит на экране лицо брата. Фотография сделана в этом доме в мамин день рождения, когда ей исполнилось шестьдесят пять. Бьёрн тогда похудел, и он без остановки рассказывал о диете, о которой в тот год писали все вечерние газеты.

Юэль колеблется так долго, что включается автоответчик. Теперь он видит на экране список пропущенных звонков. Брат звонил много раз, а он даже не проснулся. Звонили и из ресторана, в котором Юэль работает нелегально, но у него нет сил даже подумать о том, чтобы с ними связаться. Он все равно не знает, когда сможет вернуться.

На кухне тихо гудит холодильник. В остальном вокруг все спокойно. Юэль ловит себя на мысли, что прислушивается, как там мама.

Но ее здесь нет.

Из «Сосен» не звонили. Значит, все в порядке. Иначе они бы позвонили, так ведь?

Юэль трет руками лицо. Спина полностью онемела, Юэль даже не чувствует под собой диванных подушек.

Он садится и смотрит в окно. Хочет увидеть проезжающую мимо машину. Соседа на прогулке. Хоть бы даже чертову косулю. Но все неподвижно, словно нарисованные декорации. Юэль шарит между подушками, находит пульт от телевизора. Включает телик. Комнату заполняют голоса участников дебатов. Юэль встает, включает люстру, идет на кухню и там тоже включает свет. Моет гроздь томатов черри и съедает их стоя, один за одним. Ощущение гладкой кожицы на языке, хруст, когда Юэль впивается в помидор зубами, взрыв мякоти возвращают его к действительности.

Мама.

Совершенно непостижимо, что она здесь больше не живет. Что здесь никто не живет. Это больше не дом, а всего лишь здание.

Юэль мог бы разобрать кладовки прямо сегодня вечером. Решить, что продать, выкинуть, пожертвовать, сохранить. Мог бы выбросить все старые продукты. В шкафах на кухне завелись мукоеды. Морозилка в подвале забита мясом, которое надо было съесть еще несколько лет назад.

Он мог бы написать то чертово письмо о маме.

Снова звонит телефон, и на этот раз Юэль снимает трубку.
– Здравóво, – говорит Бьёрн. – С тобой нелегко связаться.
Он немного запыхался, кажется, он идет по улице.
– Я был в душе.

– Несколько часов?

– Чего тебе? – устало спрашивает Юэль.

– Как сегодня все прошло с мамой? – интересуется брат.

– Нормально прошло. Она расстроилась, когда я уходил.

– Она привыкнет.

– Да, выбора у нее особо нет.

Пауза. Бьёрн опять пыхтит. На заднем фоне звук машин, громкое тиканье светофора.

Жизнь и движение. Существование Бьёрна продолжается как обычно.

– Ты приедешь на выходные? – спрашивает Юэль.

– Как раз поэтому я и звоню, – сообщает брат.

Юэль тянется за пачкой сигарет. Пытается сохранить спокойствие. Даже Бьёрну не удастся отвертеться. Но если они сейчас начнут ругаться, возможно, он это сделает.

– У меня не получится. Столько всего надо успеть до отъезда в Испанию.

Юэль закуривает. Глубоко затягивается.

– Ты куришь в доме?

– Да. Но тебе-то что за дело, раз ты все равно сюда не приедешь?

– Слушай. Я очень хочу приехать. Просто сейчас не получается, ведь...

– Конечно, – обрывает его Юэль. – Значит, ты бросаешь меня?

– Что я, по-твоему, должен делать? Отменить поездку? Ты

же понимаешь, что я не могу так поступить с детьми!

— Но меня ты можешь оставить один на один с этим дерьмом?

— Я же не мог знать, что маме предложат место именно на этой неделе, — оправдывается Бьёрн.

— Какой кошмар, что это не вписывается в твоё расписание.

— Я понимаю, что это тяжело... — начинает Бьёрн.

— Нет, не понимаешь! — Юэль кричит. Теперь уже все равно. — Тебя здесь не было, тебе не нужно было волноваться каждую гребаную секунду, что она упадет или опять уйдет посреди ночи, и ты не заставлял ее есть и принимать лекарства и не вытирал пятна мочи...

Он делает паузу, чтобы затянуться сигаретой.

— Но там же были эти... как их... ассистенты? — удастся вставить Бьёрну, но Юэль делает вид, что не слышит.

— ...и тебе не нужно было силой заталкивать ее в «Сосны», хотя она умоляла, чтобы ее забрали оттуда, и у тебя нет эгоцентричного чертового братца, которому насрать и на нее, и на тебя!

В трубке становится совершенно тихо.

— И соцработники не оставались здесь круглосуточно, — добавляет Юэль.

Следующая затяжка такая резкая, что сигарета потрескивает.

— Алло? — говорит он.

– Я просто ждал, пока ты успокоишься, – отвечает Бьёрн. – С тобой совершенно невозможно разговаривать, когда ты впадаешь в истерику.

– Ты должен приехать, разве ты не понимаешь? Я не справлюсь в одиночку.

– Вообще-то мне тоже нужна эта поездка. Мне тоже было нелегко.

Юэль смеется. Смех звучит фальшиво и резко. Истерично.

– Бедняжка!

– Ты бы понял, будь у тебя своя семья. Перед ними у меня тоже есть обязательства.

Юэль бросает окурок в раковину. Замечает, что от злости его потряхивает.

– Если у меня нет семьи, это еще не означает, что у меня нет собственной жизни.

Бьёрн не отвечает, но между ними эхом отзывается: *Да что ты говоришь?*

– У меня нет денег ставить все на паузу, потому что ты должен ехать в Испанию! – продолжает Юэль. – Мне нужно работать, чтобы не лишиться квартиры.

– Какая-нибудь заначка у тебя наверняка есть, – заявляет Бьёрн.

Господи, как же он ненавидит брата. Бьёрн забыл, что значит не иметь денег. Он думает, что любой может заработать, достаточно только принять это решение. Как сделал он сам.

– Ты должен приехать, – говорит Юэль. – Прошу тебя. Мне нужна твоя помощь.

Умолять противно. Но от этого его слова не перестают быть правдой.

– Ты нужен маме, – добавляет он.

– Мама даже не заметит, там я или нет. – Бьёрн замолкает. Кажется, он собирается с силами. – Возможно, это правильно, что тебе придется этим заниматься, если учесть, как часто ей приходилось за тебя волноваться. Пора и тебе повзрослеть и взять на себя ответственность.

Юэль опускает телефон. Смотрит на улыбающегося Бьёрна на экране. Вешает трубку.

Он хотел бы заплакать. Может, это помогло бы избавиться от ощущения нереальности, чувства, что все происходящее лишь жалкая имитация жизни.

Отлично, Юэль. Я тебе почти поверил. Ты поэтому жрешь мамины таблетки и пьешь все, что попадается под руку? Чтобы приблизиться к реальности?

Признай факты. Ты никогда этого не хотел.

Возможно, Бьёрн прав. Возможно, Юэль так и не повзрослел. Он видел, как это происходит с другими, кто слишком долго принимал наркотики. Они останавливаются в развитии. Ему самому не было и шестнадцати, когда он начал.

Он думает о парнях-подростках на площади в Скредсбю. Неужели он тоже был так молод? Его запугивали пропагандой восьмидесятых и девяностых годов. Репортажами.

Информационными кампаниями. Фильмами. Молодежными сериалами с правильными главными героями, которые превращались в алкоголиков, единожды напившись, или отчаявшихся наркоманов, как только они выкурили первый джойнт, занюхали дорожку, приняли таблетку. Эту ложь раскусить было так легко, что он думал, что все было ложью. А если нет, его это все равно не касалось. Он думал, что уникален, непобедим. Он ошибался.

Но ты хотя бы бросил наркотики. Шесть лет и два месяца назад.

Юэль вытаскивает внутренний пакет из коробки, которая все еще стоит на мойке, выжимает остатки вина в бокал и делает глоток. Заходит в мамину спальню и включает свет. Смотрит на кровать, в которой мама уже никогда не будет лежать. Раму смастерил дед Юэля, в изголовье сделал простенькую инкрустацию с цветами. Должно быть, потратил много времени. И кому теперь это нужно?

Юэль садится у изголовья. Смотрит на жирное пятно на стене. К нему приклеились пылинки и мамина волосинка. Первое время он думал, что мама трется головой о стену во сне, но это невозможно. Пятно слишком жирное и слишком быстро возвращается.

Оно хотя бы не увеличилось с сегодняшнего утра.

Юэль наклоняется к пятну. Принюхивается, но оно ничем не пахнет.

Может, внутри стены что-то течет?

Он приносит кухонную губку, находит под раковиной бутылку с чистящим средством. Вернувшись, брызгает на пятно, пока оно не покрывается пенящимися сугробами. Усердно трет зеленой стороной губки. Останавливается, только когда исчезает и пятно, и рисунок на обоях.

Юэль возвращается на кухню и выбрасывает губку. Два раза моет руки, чтобы избавиться от ощущения, что жир прилип к кончикам пальцев. Потом смотрит на телефон. Слишком поздно звонить на мамин прямой номер, он не хочет будить и снова волновать ее, но можно позвонить в отделение.

Странно звонить так поздно? Но еще более странно не позвонить вообще?

Он набирает номер. Идут гудки.

– «Сосны», отделение Г.

Женщина, которая сняла трубку, говорит на таком же ярко выраженном диалекте, на котором говорил и Юэль, когда здесь жил. Интересно, она уже слышала о сыне под кайфом, который привез несчастную Монику?

А что, если они позвонят Бьёрну и расскажут ему?

– Здравствуйте. Меня зовут Юэль, сегодня к вам положили мою мать Монику, вернее, она переехала к вам, я просто хотел проверить, как она.

На другом конце провода секундное молчание.

– Насколько я знаю, все хорошо. Сейчас она спит, наверное, лучше ее не будить.

– Да, конечно.

Где-то на заднем фоне слышится звук сигнализации. –
Мне надо идти, – говорит женщина.

Что-то в ее голосе кажется знакомым.

– Конечно, – соглашается Юэль. – Спасибо.

Но женщина уже повесила трубку.

Нина

Нина открывает дверь в Г1, тянется к кнопке в прихожей и отключает сигнализацию. Из квартиры слышится inferнальный храп, и Нина заходит внутрь. Лампа у кровати включена. Нина видит свое отражение в окне, призрачно-бледное на фоне опущенных жалюзи. Виборг спит с широко открытым ртом. Подбородок касается груди. Худая шея в складках гармошкой.

Игрушечная кошка Виборг упала на пол, и из-за нее сработал датчик движения. Нина поднимает игрушку, гладит шерсть из огнеупорного материала. Кладет кошку между старушкой и стеной. Тихо выходит из квартиры и осторожно закрывает за собой дверь.

По ночам в «Соснах» совсем другая атмосфера. Через пару часов Нина разбудит стариков, чтобы сменить подгузники и раздать питательные напитки. Они не ели после ужина в пять вечера, и лучше им не голодать до утра. Некоторые из них разозлятся, другие будут волноваться. Всегда одно и то же. Виборг захочет позвонить по номеру, которым никто не пользуется, чтобы поговорить с людьми, которых давно нет на свете. Петрус попытается затащить ее в постель, называя ее сукой и шлюхой. Эдит заведет вечную шарманку о том, что она секретарь директора Пальма. И этой ночью Нине придется разговаривать с Моникой.

Но она предпочла бы всему этому общение с Юэлем, чей голос эхом отдается в голове. Как могло случиться, что она забыла его? Хриплый. Глубокий. Раньше он звучал гораздо старше своих лет. Теперь, наоборот, гораздо моложе. Этот голос перебросил Нину в прошлое. Словно не было последних двадцати лет. *Пойдем со мной сегодня вечером. Без тебя весело не будет.*

Нина идет в кладовку, где хранятся швабры и ведра, берет тряпки и вытирает роллаторы и инвалидные коляски, чтобы чем-то занять время.

Как она решилась показать свои стихи Юэлю в первый раз? Она понятия не имеет, но это было в тот день, когда они начали мечтать вместе. Он учил ее играть на гитаре, хотел, чтобы она писала тексты на его музыку. Юэль заставлял Нину быть смелее, идти дальше, копать глубже. Тексты стали ее отдушиной. В них она могла злиться, грустить, требовать. Доносить свои мысли хотя бы до самой себя. Выражать то, что происходило в душе, хотя потом ее слова произносил Юэль. Они были хороши. Очень хороши. И как раз тогда жизнь Юэля пошла под откос.

Нина делает уборку и поливает цветы в комнате отдыха. Заходит в комнату для персонала и вынимает посуду из посудомойки. Закрывает дверцу шкафа и слышит чей-то смех, громкий и радостный.

Она выходит в коридор. Снова слышит тот же смех. Старый и одновременно девичий. Он доносится из Г4. Дверь в

квартиру Будиль закрыта, но в тишине все равно слышно хорошо. Нина стучится. Слышит, как Будиль хихикает.

– Уродец мой, – воркует она. – Ты же настоящее чудовище.

Дыхание отчетливо слышится в темноте.

Нина заходит в комнату и включает свет. Будиль сидит в постели. Ночная рубашка из выцветшей фланели обтягивает тяжелую грудь.

– Вы не спите в такой час? – спрашивает Нина.

Но Будиль не отвечает. Она напряженно всматривается в окно. И только когда Нина кладет руку ей на плечо, старушка вздрагивает и встречается с ней глазами.

– Там снаружи какой-то извращенец, – сияя от радости, сообщает Будиль.

– Ой, надо же! – Нина смотрит на опущенные жалюзи.

– Он, поди, надеется увидеть меня голой, но ничего не выйдет. – И Будиль снова оборачивается к окну: – Пошел отсюда, мерзкий мужик!

Восторг старушки так заразителен, что Нина невольно улыбается. Здесь нет фотографий Будиль в молодости, но Нине кажется, что она была красавицей. Интересно, всегда ли Будиль одинаково сильно любила мужчин? Много ли их у нее было или лишь несколько избранных? Как бы там ни было, Нина понимает, что сейчас Будиль взволнована. «Сосны» – женское царство. Большинство сотрудников – женщины. Большинство жильцов – женщины, пережившие своих

мужей, и навещают их в основном дочери, подруги, сестры.

– Будет лучше, если мы шторы тоже задернем, – предлагает Нина.

Будиль косится на нее:

– Да оставь! Наверняка он скоро прекратит.

– Ладно, – соглашается Нина. – Скоро я принесу вам питательный напиток.

– Да-да, будет очень кстати. – Будиль нетерпеливо машет рукой.

Очевидно, она хочет, чтобы ее оставили наедине с объектом. Нина выходит в коридор, и не успевает она закрыть дверь, как снова срабатывает сигнализация.

Лампочка горит над Г6. Это квартира Моники.

Нина не хочет туда идти и все же испытывает облегчение. Теперь ей не придется гадать, когда же...

Они встретятся сейчас.

Юэль

Мама выросла на ферме в Люкке. В двадцать лет она вышла замуж за папу и переехала в Люккеред по другую сторону сельской дороги. Это было самое большое приключение в ее жизни.

Юэль смотрит на мигающий курсор в вордовском файле. Удаляет последнее предложение. Кубики льда в бокале звенят, когда он делает глоток. В шкафу на кухне он нашел бутылку крепкого глёга и теперь делает вид, что это всего лишь сладкий коктейль.

Юэль открыл окна, чтобы впустить в кухню свежий воздух, но этой ночью ветра нет совсем. Ночные бабочки ударяются о москитные сетки, пытаясь попасть внутрь, где светло. Юэль потеет. Завтра надо купить вентилятор.

Мама была замужем за папой Нильсом чуть больше пятнадцати лет, пока он не умер от рака. Насколько я знаю, после него у нее никого не было.

Юэль делает еще глоток. Удаляет последнее предложение. Мама всегда следила за тем, чтобы ее личная жизнь оставалась личной. Ей бы не понравилось, узнай она, что Юэль пишет это письмо и что его будут читать чужие люди. Она бы многое в своей жизни возненавидела, если бы поняла это.

Они долго пытались зачать ребенка, но все же жили счастливо в браке. Мой брат родился, когда маме было двадцать

восемь. Я (Юэль) появился, когда ей было тридцать три. По иронии судьбы папа умер спустя пару лет после продолжительной болезни. Другими словами, им почти не удалось вместе насладиться долгожданным родительством.

Что ему на самом деле известно о браке родителей? Насколько счастливым он был? Папа – святой в созданной мамой семейной хронике. Если что-то не соответствовало этой картинке, она бы никогда об этом не рассказала. Незачем говорить о неприятном. Не стоит в таком копаться. И вообще этого касаться.

Но мама, должно быть, мужа любила. Так и не оправилась после его смерти. И никогда не было сомнений в том, что Бьёрн больше всего похож на отца. Оба светловолосые, голубоглазые. Отцы семейств, уважаемые люди. К тому же, когда умер отец, Бьёрн был уже достаточно взрослым, чтобы помнить его и сохранить общие с мамой воспоминания.

Я всегда был другим. Я был странным и слушал странную музыку. Красил волосы и носил черную одежду. Я знаю, мама надеялась, что я и моя лучшая подруга Нина будем вместе. Если бы так и случилось, я бы обрадовался больше всех. Конечно, мы с мамой никогда это не обсуждали. Мы вообще никогда ничего не обсуждали. Вообще-то она никогда не говорила, что любит меня, и я даже не знаю, как бы отреагировал, скажи она это.

Юэль смотрит на последний абзац. Чем это он занимается? Юэль удаляет его. Закуривает. Кажется, дым пеленой за-

стилает глаза. Курсор мигает.

Бьёрн сейчас женат на Софии и живет в Йёнчёпинге. У них двое детей, Вигго и...

Пальцы Юэля висят над потертой клавиатурой ноутбука. Он не помнит, как зовут второго сына Бьёрна. Возвращается назад, удаляет и имя Вигго. В этом письме это, скорее всего, неважно. Он понятия не имеет, что персонал «Сосен» хочет узнать о маме, что может помочь им и помочь ей.

После инфаркта, в результате которого у мамы развилась деменция, она часто говорит о том, что была на грани жизни и смерти и видела, что «на той стороне» ее ждет папа. Время от времени она утверждает, что он проводил ее назад, но общаться ему трудно. Иногда кажется, она напрочь забыла, что папа умер.

Какой-то скребуший звук заставляет Юэля оторваться от экрана. Звук слышится снова, и Юэль понимает, что это ласточки под крышей, но внутри него нарастает детский страх темноты.

А что, если мама все это время была права? А что, если папа здесь, в доме, и ищет ее?

Юэль качает головой, сетуя на самого себя. Делает глоток глёга.

Мы навещали маму в больнице, когда ее прооперировали после инфаркта. Нас удивило, как сильно она сдала, но мы думали, что ей станет лучше после реабилитации. Бьёрн был здесь, когда мама вернулась домой, и казалось, что все

наладилось, ведь ей помогали соцработники. Но когда мама пропала посреди ночи и кто-то, проезжая мимо, нашел ее замерзшей до полусмерти, мы осознали, насколько все на самом деле плохо.

Я вернулся домой и быстро понял, что выход у меня только один: остаться и дожидаться, пока мама получит место в каком-нибудь пансионате вроде «Сосен».

Запах описанных трусов, которые сохли на батарее... Ящики, забитые конвертами, которые мама так и не открыла...

Юэль стал ее опекуном и выбивал место в пансионате для пожилых. Телефонные разговоры и встречи со специалистами, оценивающими необходимость выплаты пособия, визиты к врачам, во время которых мама, казалось, всегда становилась бодрее и радовалась проявленному к ней вниманию. На вопрос, хочет ли она переехать, она решительно отвечала «нет». Еще бы! Она до смерти боялась перемен, поскольку даже хорошо знакомое стало непонятным и пугающим. И Юэль никогда не понимал, зачем эти люди спрашивают о чем-то маму. Она больше не могла распоряжаться собственной жизнью, в этом-то и была проблема.

Но эти подробности будут лишними в письме. Они ведь ничего не говорят о маме.

Юэль пытается собраться с мыслями, но никак не может нащупать опору. Мысли просто роятся в голове, поскальзываясь, словно на льду. Он снова наполняет бокал. Лёд рас-

таял, и чуть теплый глёт стал таким сладким, что щиплет в горле.

Курсор продолжает мигать. Что еще рассказать о маме? Что ей на самом деле нравилось? Какие у нее были интересы? У нее не было близких друзей. Многие исчезли, уже когда заболел папа. После выхода на пенсию она не поддерживала связь с коллегами. Соседей не стало. В этих местах не живет никто из родственников. Чем она занималась целыми днями одна в доме? Просто бродила и думала о папе? Ждала, что позвонят Юэль или Бьёрн?

Должно быть, ей было ужасно одиноко. Хотя в чем-то они похожи.

Юэль громко вздыхает. Жалость к себе – верный признак того, что он порядочно набрался.

Пепел от сигареты падает на клавиатуру. Юэль сдувает его. Тушит сигарету. Вспоминает, что Элисабет что-то спрашивала про любимую еду. Даже этого он не знает.

Надо было чаще звонить маме. А когда все же звонил, быть терпеливее. Надо было больше спрашивать и слушать ответы.

Юэль закрывает файл и тащит его в корзину. Захлопывает крышку ноутбука.

Нина

Должно быть, Моника перебралась через бортик на кровати. Она стоит посреди комнаты. Надела пальто прямо на ночную рубашку. В ужасе смотрит на Нину, когда та заходит в квартиру.

За эти годы Нина бесчисленное количество раз видела взгляд человека, страдающего деменцией. В их глазах была пустота. Но это всегда были чужие люди и никогда кто-то настолько близкий, как Моника. Это совершенно другое. И это почти невыносимо.

Нина смотрит на кровать. Напоминает себе о том, что надо сообщить о произошедшем Элисабет. Перелезая через бортик, можно в нем застрять или упасть на пол с еще большей высоты, чем с кровати без бортика. – Пожалуйста, помогите мне добраться до дома, – просит Моника. – Мне нужно попасть домой.

Нина подходит на шаг ближе. Чувствует отчетливый запах мокрого подгузника. Придется его сменить. Иметь дело с голым телом, обнаженными половыми органами.

Гордая Моника, которая никогда не показывала свою слабость, никогда не просила о помощи.

– Пойдемте, – говорит Нина. – Давайте сядем и немного поговорим.

– Я не хочу садиться, – отвечает Моника. – Почему ме-

ня никто не слушает? Я просто хочу домой, неужели это так сложно понять?

Нина приобнимает ее, но Моника пятится назад:

– Кто-то должен приехать и забрать меня. Я не могу найти ключи от машины.

– Сейчас вам лучше поспать, Моника.

– Не хочу я спать! Я хочу домой!

Ее нижняя губа начинает дрожать.

– Я не должна быть здесь, – всхлипывает она.

– Завтра вам будет лучше, вот увидите.

Что-то во взгляде Моника меняется – слабый проблеск, – и Нина почти не дышит.

Она меня узнала?

Но проблеск снова гаснет.

– Вы не понимаете, – жалуется Моника. – Никто не понимает. Все вокруг такое странное, и никто меня не слушает.

– Я слушаю, – успокаивает ее Нина. – Давайте сядем, и вы мне все расскажете.

Моника глубоко вздыхает, но на этот раз не возражает и идет к кровати. Кажется, она не замечает, как Нина снимает с нее пальто и вешает его на спинку стула.

– Мой муж... его звали Нильс, – говорит Моника, дрожащим пальцем показывая на свадебную фотографию.

Нина кивает и опускает защитный бортик.

– Он не найдет меня здесь, – продолжает Моника и тяжело садится на край кровати. – И теперь я очень боюсь, что он

подумает, будто я знать его больше не желаю.

Моника качает головой.

– Мне надо домой.

Нина гладит ее по спине. Только бы сдержать слезы. Не выдать эмоции. Не волновать ее.

– Все будет хорошо, – говорит она. – Я позабочусь о вас.

Как и вы заботились обо мне.

Юэль

Он оставил попытки уснуть и теперь стоит перед открытым холодильником с черным пакетом для мусора в руках. Бросает туда банки с селедкой, которые он не решается открывать, заплесневевшие оливки, пластиковые контейнеры с содержимым, которое даже невозможно идентифицировать. На покрытых пятнами жира полках засохшие лужицы чего-то вязкого. Надо было заняться этим намного раньше. Юэль разбрызгивает чистящее средство, трет и скребет. Принимается за шкаф, выбрасывает бутылки сиропа с липкими потеками, разрыхлитель в банках без крышек, миндальное печенье из прошлого десятилетия. Залезает на стул, чтобы достать до самых верхних полок. Шарит рукой и нащупывает хорошо знакомый пластмассовый предмет с закругленными краями.

Когда Юэль достает свой старый плеер, на него сыплются кокосовая стружка и панировочные сухари.

Юэль понимает, что нет смысла даже пытаться понять, почему мама положила плеер на верхнюю полку шкафа. Он вытирает плеер о футболку. Улыбается, когда чувствует в руке хорошо знакомый предмет. Он заказал плеер по почте, потому что в нем был встроенный микрофон, и всегда носил его с собой, а в кармане всегда держал лишнюю кассету, чтобы можно было записать идеи новых песен.

Юэль открывает плеер. Вынимает кассету. Смотрит на логотип BASF, свой подростковый почерк на полоске клейкой ленты: «НИНА И ЮЭЛЬ МИКС ОСЕНЬ-94».

Юэль садится на стул. Вытирает пот с лица и закуривает. Он старался никогда не слушать музыку того времени – она слишком напоминает о той жизни, которая не случилась, хотя и была так возможна.

Любопытство берет верх. Юэль вставляет кассету и нажимает на «play», но ничего не происходит. Батарейки сдохли, а может, плеер больше не работает. Юэль снова вынимает кассету. Ударяет ею по ладони. То, что запись сделана осенью девяносто четвертого года, на самом деле ничего не говорит. Они с Ниной к тому моменту познакомились с Катей, которая держала музыкальный магазин в Кунгэльве. У них хватало денег лишь на пару альбомов в месяц, но Катя давала им послушать свою личную коллекцию, рассказывала о музыке, которая им нравилась, и о том, какова ее история. Через некоторое время она пригласила их домой, в лес за Гульбрингой. У Кати в подвале была простенькая студия, где они могли записывать демки. Она помогла им по дешевке купить первые собственные гитары. Подержанный «Ибанез» естественного цвета Нине, вишневую копию «Телекастера» Юэлю.

В доме в лесу Катя продавала и кое-что другое. Она многому научила Юэля. Например, как экстази открывает внутри него все двери. Как спиды придают ему сил, а кокаин –

решимости.

Юэль выбрасывает окурок в раковину и встает. Забирает бутылку глэга наверх в свою комнату и садится на колени перед стереосистемой. Открывает дверцу и ставит кассету. Думает, не отмотать ли назад, но вместо этого жмет на «play».

Льющиеся из колонок аккорды мягкие, нереальные, почти зловещие. Юэль тут же их узнает. Это самое начало «Song to the siren». Голос Элизабет Фрейзер наполняет комнату, наполняет его. Он закрывает глаза, по спине до самого затылка бегут мурашки. Из глубины всплывает воспоминание. Нина сидит здесь на полу перед колонками с бумагой и ручкой и пытается разобрать слова, понять, что они означают, какой в них смысл. Но Юэлю не нужно было их анализировать. Все дело в голосе. Все, что причиняло боль, становилось красивым, настолько красивым, что причиняло боль.

Песня заканчивается, и Юэль открывает глаза. На смену приходят «Jesus and Mary Chain», «Just like honey». Юэль курит одну за одной, не переставая слушать. «Sonic Youth». «Hole». «Echo & the Bunnymen». «Skunk Anansie» и «Smashing Pumpkins». Эта сторона кассеты заканчивается посреди песни Бьёрк «Play dead».

Глэг закончился. Небо посветлело. Солнце уже касается верхушек деревьев на холме. Юэль подходит к окну. Этим путем он обычно сбегал из дому по ночам. Перелезал на маленький козырек над входной дверью, спускался на газон. Если с ним не было Нины, она ждала его на автобусной оста-

новке.

Интересно, где Нина сейчас? Кем она стала? Вспоминает ли его когда-нибудь?

Они собирались бросить все вместе, ту тесную до клаустрофобии жизнь, которая им светила здесь. *Мы против всего мира.* Но Нина осталась. Выбрала не его, а все то, что, по ее словам, ненавидела.

Если бы Юэль только мог кому-нибудь позвонить. Тому, кто мог бы перекрычать его мысли, которые роятся голове. Но такого человека нет.

Это прозрение бьет Юэля наотмашь. Он абсолютно один. Нины больше нет в его жизни. И когда он завязал, испарились его единственные друзья в Стокгольме. Кроме наркотиков, у них не было ничего общего.

Больше нет никого, кто знал бы его по-настоящему. Только шапочные знакомые, партнеры на одну ночь, временные коллеги по работе. С того самого утра, когда Юэль завязал с наркотиками, он бродит по земле подобно привидению, будто той ночью он умер.

Шесть лет и два месяца.

Произошедшее тогда изменило все. Испугало Юэля настолько, что память об этом пронесла его через все искушения. Но сейчас он бы проглотил или занюхал что угодно, не глядя, лишь бы отделаться от мыслей.

«Сосны»

Нина сидит в комнате для персонала в отделении Г и пишет отчеты за прошедшую ночь. Напевает «Song to the siren». Поймав себя на этом, резко замолкает. Ручка останавливается. Нину поражает то, что она до сих пор помнит слова.

Скоро придет утренний персонал, но сейчас в отделении все спокойно. Почти все спят. Вера забралась в постель к Дагмар и прижалась к ней под одеялом. Виборг крепко обнимает во сне игрушечную кошку, позволяет ей согреть свою хрипящую грудь. Петрус во сне бежит на молодых, сильных ногах. Будиль боролась с усталостью так долго, как могла, взглядывая в окно, но теперь она крепко спит.

Не спит только Моника. Она лежит в постели и смотрит перед собой со счастливой улыбкой. По вискам текут слезы, исчезая в волосах. Спираль в лампе рядом с кроватью потрескивает. Свет в комнате мерцает. Блестит в жирном пятне на стене рядом с кроватью. Моника смеется. Поправляет прядь волос за ухо. *Если бы я была красивее*, говорит она. Услышав ответ, смеется. Свет снова мерцает, и она внимательно слушает. Тени то растут, то уменьшаются. *Обещаю*, говорит она. Вытирает слезы на щеках. *Подумать только, ты все равно меня нашел. Подумать только, мы снова будем вместе.*

Юэль

Сейчас полдень, и тяжелое солнце давит на парковку «Со-сен», преследует Юэля, пока он идет к входным дверям. Он проснулся всего час назад. У него не просто похмелье, а настоящее отравление. Но он принял душ, побрился, как следует причесался. Купил маме журналы. Сделал все, чтобы показать, что в дверь отделения Г звонит спокойный и заботливый сын. Нормальный трезвый человек!

На этот раз дверь ему открывает Сукди.

– Здравствуйте, – говорит она и отходит в сторону. – Проходите.

– Спасибо.

Юэль украдкой наблюдает за женщиной, пока они вместе идут по коридору.

– Наверное, вчера я показался вам странным, – неуверенно начинает он. – Было безумно тяжело перевезти сюда маму, и я принял успокоительное, но... оно оказалось сильнее, чем я думал. Я только хочу, чтобы вы, кто здесь работает, знали, что обычно я так себя не веду.

Теперь уже нет.

– Понимаю, что это нелегко, – говорит Сукди. – Но вы правильно сделали, что перевезли ее сюда.

Юэль кивает. Очень хочет, чтобы его в этом убедили.

К нему подходит пожилая женщина в синей униформе

«Сосен» и представляется Ритой. У нее седые волосы стального оттенка, прическа паж и типичный западно-шведский глубокий загар. Скорее всего, ей недалеко до пенсии. Юэль задумывается, каково работать с пациентами, которые ненамного старше тебя. Они пожимают друг другу руки, и Рита исчезает в комнате отдыха, где подает поильник одной из старушек.

– Как мама провела ночь? – спрашивает Юэль и снова обращается к Сукди. – Вам что-нибудь известно?

– Я читала в отчете, что она немного волновалась, но это нормально. А сегодня утром она была веселой.

Юэль пытается переварить это.

Веселой?

Мама была веселой?

И, только почувствовав невероятное облегчение, он понимает, насколько был настроен на очередную катастрофу и насколько малы сейчас его собственные резервы.

Из зала в коридор выходит женщина. На ней коричневые брюки с вшитыми стрелками, на кофточке блестящая брошь. На голове набекрень надет красный берет.

– Слушайте, напомните, пожалуйста, где тут я живу, – просит она.

– Здравствуйте, Анна, – приветствует ее Сукди и показывает рукой в коридор: – Вам в ту сторону. Квартира Г7. Я могу вас проводить.

– Подумать только, здесь постоянно перекрывают доро-

ги, – жалуется Анна, добродушно качая головой. – Нелегко найти собственный дом, когда они тут всю постарались.

– Да уж, понятно, – соглашается Сукди.

Ни конспирологических подмигиваний Юэлю, ни смеха в голосе.

– На улице холодно, – сообщает Анна.

– Вот оно что, – улыбается Сукди. – Я не выходила на улицу с самого утра.

Юэль смотрит на них. Здесь, в «Соснах», маму будут окружать люди, которые понимают все, что настолько непонятно ему самому. У них есть знания, есть протоколы. Для них все, что касается мамы, всего-навсего обычная работа.

Юэль замечает, что Анна с любопытством смотрит на него.

– Какой симпатичный мужчина, – замечает она. – Берегитесь, чтобы не попасть в руки Будиль.

– Не отпугивайте его, – весело говорит Сукди.

Юэль улыбается. Интересно, кто такая Будиль и почему ему надо ее остерегаться?

– У вас дома есть пианино? – спрашивает Анна, прежде чем Юэль успеет задать свой вопрос. – Надо позволять себе немного радости в этой жизни.

– Нет, – отвечает Юэль. – Но я подумаю об этом.

– Не думайте слишком много, – улыбается Анна. – Надо просто начать играть.

Старушка продолжает болтать, и вместе они направляют-

ся к квартирам.

Из Г1 выходит беременная женщина. На этот раз Юэль, постаравшись встретиться с ней взглядом, здоровается. Она улыбается в ответ. Держит руку на копчике. К щеке прилипли несколько комочков туши.

Юэль останавливается у квартиры Г6. Раздумывает, надо ли постучать, но не хочет будить маму, если она уснула.

– Вот мы и пришли, Анна, – говорит Сукди у двери Г7. – Хотите, чтобы я зашла с вами внутрь?

– Да, пожалуй, так будет лучше, – отвечает Анна. – Кажется, яблоко опять выкатилось. Но у меня нет кофе, чтобы вас угостить.

– Ничего страшного, – заверяет ее Сукди.

Юэль машет им рукой. Открывает дверь в мамину квартиру. От сквозняка развеваются шторы. Мама сидит за столом. Широко ему улыбается, когда он заходит в комнату.

У Юэля появляется чувство, что он что-то прервал. Разговор, который только что смолк... Слова как будто повисли в воздухе.

– Юэль! – восклицает мама. – Наконец-то! Сейчас я тебе что-то расскажу!

Глаза ясные, улыбка бодрая. Когда Юэль видит маму такой, можно легко убедить себя в том, что она снова здорова. Что все это просто какое-то недопонимание, что-то временное, и теперь все позади.

Она может снова переехать домой, а я могу вернуться в

Стокгольм, но в этот раз я выучил урок и буду поддерживать отношения и...

Юэль напоминает себе, что, как ребенок, пытается выдать желаемое за действительное. Он разувается и садится напротив мамы. Кладет на стол журналы, но мама на них даже не смотрит.

– Нильс нашел это место.

– Да ну? – Это единственное, что Юэль может произнести.

Мама энергично кивает. Ее улыбка становится еще шире и, наконец, превращается в какую-то маниакальную.

– Ты не видел его, когда вошел? – спрашивает она.

Юэль вынужден отвести глаза. Он смотрит в окно на парковку, где стоит ее машина. Пытается определить, что все это значит. Ему надо порадоваться за маму? Это что-то хорошее? Надо ли ему подыграть ее фантазии или лучше попробовать вернуть ее к действительности? Он знает только, что не хочет сказать что-то не то. Разрушить волшебство и опечалить, разозлить или напугать маму.

Она смеется и кивает чему-то за его спиной.

– Да, – говорит она. – Теперь вы наконец можете узнать друг друга. Ты должен знать, Юэль, что папа тобой очень гордится.

Юэль улыбается, но чувствует себя совершенно обессиленным. Папа был чернорабочим и наверняка человеком своего времени. Юэль сомневается, что он гордился бы таким сыном.

Мама морщит лоб. Смотрит в прихожую и снова на Юэля. Впивается в него взглядом:

– Нильс говорит, ты мне не веришь.

Шторы колыхнутся. Юэль колеблется.

– Но ты же мне веришь? – спрашивает мама. – Ты ведь тоже его видишь? Он стоит прямо за тобой.

Надежда, которой светятся ее глаза, так сильна, что у Юэля перехватывает дыхание.

– Хотя бы посмотри на него, – прости мама.

Юэль оборачивается. Кажется, перед дверью он видит тень, но это всего лишь пальто на крючке в прихожей.

Никого, естественно, нет.

И все же такое ощущение, словно что-то смотрит на него. Дуновение из окна ласкает его затылок.

Я схожу с ума, как и она. Придется им поставить здесь дополнительную кровать.

Юэль снова поворачивается к маме. Встречается с ее напряженным взглядом.

Если сейчас мама думает, что папа к ней вернулся, то это подарок. Было бы жестоко отобрать его у нее.

– Да, – говорит Юэль. – Конечно же я тебе верю.

Нина

Нина выходит из машины на почти пустую парковку в Скредсбю. Компания подростков с мопедами разглядывает ее, пока она идет к супермаркету. Нина ускоряет шаг. Знает, что парни подыскивают комментарий, который можно обронить, чтобы он на несколько секунд развеял скуку. Компании подростков все еще нервируют ее. Когда ее собственный сын вступил в этот возраст, Нина частенько находила горы воняющих потом кроссовок в прихожей, постоянно слышала, как дом заполняют ребята с ломающимися голосами, и в такие моменты ей хотелось только развернуться и сбежать.

Когда Нина заходит в прохладный супермаркет, дышать становится легче. Нина берет тележку, идет между стеллажами и прилавками, складывает в тележку хорошо знакомые продукты. Замечает, что все время ищет глазами Юэля. Она звонила Сукди, выдумав историю о забытом бумажнике, и узнала, что Юэль и сегодня был в «Соснах».

Может, взять больничный на несколько недель? Пока Юэль снова отсюда не уедет.

Нет. У Нины нет денег сидеть на больничном. Но она едва ли сможет проводить все рабочие дни в кладовке.

Внутри Нины растет злоба, пока она оплачивает покупки на кассе. Она не собирается прятаться от Юэля. Ей нечего стыдиться. Сейчас она обладает властью над собственной

жизнью. Хуже всего ожидание, и с этим нужно что-то сделать.

Внезапно Нина начинает торопиться. Она складывает покупки в пакеты и снова выходит на парковку. Открывая багажник, смотрит на подростков. Заставляет себя увидеть, насколько они на самом деле маленькие.

Нина едет слишком быстро, сознавая, что идет на ненужный риск. Понимание, что у нее вообще-то есть выбор, опьянило ее, но ей также хорошо известно, что этот пузырь может лопнуть в любой момент.

Поворачивая на Люккеред, она почти не сбрасывает скорость. Поднимается по холму впервые с тех пор, как Юэль переехал. У некоторых домов вдоль дороги появились новые пристройки, их покрасили в другие цвета, но в основном все настолько на себя похоже, что это пугает.

Нина заходит на последний поворот, и в поле ее зрения появляется дом с серыми этернитовыми панелями.

Он выглядит в точности так же, как и раньше. Только стал чуть меньше, словно скукожился. Конечно, дело в том, что она изменилась.

Ни рядом с домом, ни в сарае машины нет, но Юэль, конечно, все равно может быть дома. Нина въезжает во двор, и под колесами скрипит гравий. Она вынимает ключ зажигания и решительно выходит из машины. Смотрит на окно комнаты Юэля, но видит только синее небо, отражающееся в стекле.

Нина успела уже подняться по лестнице, прежде чем пожелела об этом. Она звонит в дверь и слышит хорошо знакомый скрип изнутри дома – эхо тех сотен раз, когда она, запыхавшаяся, стояла здесь раньше. За вогнутыми зелеными стеклами входной двери движения не заметно.

Что-то жужжит на газоне. В хвойных деревьях на холме шелестит ветер. Но внутри дома совершенно тихо.

Юэль

Рядом с домом стоит серебристая «вольво», почти новая, не старше двух лет. Юэль замечает короткие светлые волосы, коренастую фигуру – какая-то женщина сидит на лестнице.

Что здесь делает Нинина мама?

Она же умерла. Мама рассказывала о некрологе в местной газете всего через несколько лет после его переезда. Видимо, алкоголь в конце концов добил ее. Юэль встречался с ней всего несколько раз – Нина избегала этого любой ценой.

Юэль паркуется рядом с незнакомой машиной. Выходит. На самом деле он уже все понял и все равно испытывает шок, когда видит ее.

Нина!

Она встает и отряхивается.

– Я сожалею, что появилась вот так, без предупреждения, – начинает Нина, и у Юэля возникает чувство, что она, сидя на лестнице, репетировала короткую речь. – Я подумала, почему бы мне не приехать сюда, чтобы мы увиделись в спокойной обстановке. Рано или поздно мы бы все равно встретились.

В спокойной обстановке?

Сердце Юэля колотится. Он рад, что на нем солнечные очки. Глаза бы его выдали.

– Я теперь работаю в «Соснах», – говорит Нина.

– Неужели? – выдавливая из себя Юэль. Проходит полсекунды, прежде чем он улавливает связь. – Это с тобой я вчера вечером говорил по телефону?

– Да.

– Я не узнал твой голос. Ты знала, что это я? То есть должна была знать, я ведь наверняка представился?

– Да. Мне надо было что-то сказать, но я не знала... – Нина сбивается с мысли. – Странная ситуация.

Юэль смеется.

– Да, – соглашается он. – И правда странная.

Нина неуверенно смотрит на него. На повзрослевшем лице проступают черты Нины-подростка. Возможно, на этом ее подготовленный сценарий заканчивается.

– Хочешь кофе или чего-нибудь еще? – спрашивает Юэль.

Он близок к тому, чтобы снова засмеяться. Это такой взрослый вопрос. Такой вежливый.

– Нет, спасибо, – отвечает Нина.

– Может, воды?

Нина мотает головой.

– Ты наверняка больше не куришь? – спрашивает Юэль и достает пачку сигарет из карманов джинсовых шорт.

– Нет, – отвечает Нина. – С тех пор как...

Она замолкает, но Юэль все понимает.

С тех пор, как забеременела.

Он закуривает. Обходит Нину и садится в кресло.

Воздух, который он вдыхает, кажется таким же горячим,

как дым сигареты. Ветра совсем нет.

– Я начинала работать в «Соснах» санитаркой, – рассказывает Нина. – Но несколько лет назад выучилась на медсестру.

– Мама тебя узнала? – спрашивает Юэль.

Нина мотает головой. Выглядит она искренне расстроенной. И Юэль чувствует укол сочувствия. Мама много значила для Нины. Во взрослом возрасте ему легче понять потребность Нины в примере для подражания.

– Бывает по-разному, – говорит Юэль. – Может, в следующий раз.

– Может, – соглашается Нина. – Как ты?

Юэль затягивается. Этот вопрос необъятен. Возможных ответов бесконечное множество. Он решает остановиться на том, что касается мамы и «Сосен»:

– Я нормально. Очень тяжело видеть ее такой растерянной. Думаю, с ее точки зрения, безумцы – это мы.

Нина слегка улыбается.

– Но сегодня она была в хорошем настроении, – добавляет Юэль.

– Хорошо, – кивает Нина. – И не беспокойся, если вначале все будет не очень стабильно. Надо дать ей время привыкнуть.

– Да, все так говорят.

Нина смотрит в стол. Смахивает несколько хлебных крошек, оставшихся на клеенке.

– А ты? – интересуется Юэль. – Чем ты занимаешься, когда не работаешь в «Соснах»?

– Мы с Маркусом живем в Тофте. На мысе за усадьбой. Юэль поправляет сползшие на край носа солнечные очки:

– Ни хрена себе!

Это отличное место. Дорогое по здешним меркам.

Он не знает, какой представлял себе Нину сейчас, но он бы никогда не догадался, что она останется с Маркусом. Скучным, безликим Маркусом, чье скучное, безликое будущее определялось папиным хозяйственным магазином в Кунгэльве. И как она это выносит?

– Мы обожаем это место, – говорит Нина. – Дом выходит на залив.

– А ребенок? – спрашивает Юэль. – Хотя он ведь уже не ребенок.

Нина улыбается:

– Даниэлю девятнадцать.

Это кажется невероятным. Но все сходится.

Как, черт возьми, мы так состарились, Нина? Как ты смогла вырастить взрослого человека, когда я и себя-то взрослым не чувствую?

– Осенью он начинает учиться в Техническом университете Чалмерса в Гётеборге, – добавляет Нина.

Юэль замечает довольный проблеск в глазах Нины. Улыбка ее становится шире.

Она изменилась. Или сейчас Юэль лучше ее понимает?

Возможно, Нине совсем не тяжело выносить собственную жизнь. Возможно, она всегда хотела именно этого.

Нина всегда была хорошей девочкой, одержимой порядком и желанием не превратиться в собственную мать. Только с ним она иногда могла становиться кем-то другим.

Их мечты о будущем, музыка, сама их дружба... Возможно, всё было не всерьез. Просто фантазия!..

Старая, на удивление сильная злоба овладевает Юэлем. Прошедших двадцати лет как не бывало. Нина так ничего и не поняла. Иначе она бы так не улыбалась.

– А ты? – спрашивает она. – Чем ты сейчас занимаешься?

Юэль наклоняется и тушит сигарету в стеклянной банке. Усаживается поудобнее.

– Я работаю в ресторане, – отвечает он.

Кажется, Нина ждет чего-то большего, но Юэлю нечего добавить. Он не собирается рассказывать о бездушной ловушке для туристов в Старом городе в Стокгольме или о последней съемной квартире, в которой он живет, не зная, как долго сможет там оставаться.

Юэлю уже хочется закурить снова, но Нина знает, что он всегда курил одну за одной, когда нервничал или злился.

– Ясно, – кивает Нина. – Ты все еще занимаешься музыкой?

Кажется, она пожалела об этом вопросе, едва успев его задать. За вежливыми фразами они приближаются к еще большей недосказанности. Вероятно, Нина надеется, что Юэль

избавит от этого их обоих.

Но он не хочет, не может. Злоба – как товарный поезд, который идет прямо сквозь него, гремя колесами. – Нет, – спокойно произносит Юэль. – Я не занимаюсь музыкой.

Ласточка под крышей скребется в стоке для воды.

– Слушай... – взволнованно говорит Нина.

– Я пытался, но им нужны были *мы*. Они рассчитывали на нас. На наши песни.

– Мы все равно не знаем, вышло бы из этого что-то или нет.

Юэль смеется. Злым, жестким смехом, от которого Нина сжимается.

– Ты смогла себя в этом убедить? – говорит он. – У нас был контракт со звукозаписывающей студией. Но ты уничтожила все и знаешь об этом.

Нина качает головой.

– Кстати, как это произошло? – продолжает Юэль. – Я даже не знал, что вы с Маркусом встречаетесь.

– Я не хочу об этом говорить. Это было так давно. Теперь уже неважно.

– Тебе, может, и неважно. У тебя же есть твоя прекрасная гребаная жизнь с Маркусом и видом на залив.

Нина долго ничего не говорит.

Юэлю интересно, вспоминает ли и она то утро, когда он пришел к дому, в котором Нина жила с мамой. Он купил подержанную машину на то крошечное, оставшееся от отца

наследство, которое он получил, когда ему исполнилось восемнадцать. Сумки лежали на заднем сиденье. Он записал сборник, которого хватило бы на всю дорогу до Стокгольма. Там их обоих ждала комната в огромной квартире у старушки в районе Эстермалм. Но когда Нина вышла из подъезда, с заплаканными глазами и в одежде, в которой она, похоже, спала, он уже все *знал*.

– Ты обещала, – говорит Юэль. – Мы уже почти уехали. Ты должна была знать задолго до... И ты так ничего и не объяснила.

– Я забеременела! Что мне было делать?

Юэль смотрит на нее сквозь солнечные очки. Его невысказанный ответ заставляет Нину встать с кресла.

– Думаю, ты забеременела специально, – говорит Юэль. – Ты струхнула, но не знала, как мне об этом рассказать. И обзавелась лучшим в мире оправданием, чтобы остаться.

Нина выглядит так, словно всеми силами старается не заплакать. Юэль тотчас жалеет о своих словах. Хочет взять их назад, все до единого.

– Ты не можешь винить меня в том, что твоя жизнь сложилась не так, как ты хотел, – говорит Нина.

– Ты ничего не знаешь о моей жизни.

– Я знаю, что ты был пьян или под какой-то наркотой, когда привез Монику в «Сосны».

Кажется, будто Юэль падает. Но он сидит не двигаясь. Лицо его неподвижно – Юэль превратил его в маску из застыв-

шей плоти и крови.

– Это ведь о многом говорит? – продолжает Нина. – Можешь думать что угодно о Маркусе. Можешь думать, что я предала тебя ради него. Но все было не так. Он спас меня от тебя.

Юэль глубоко вдыхает, наполняя легкие воздухом:

– Иди к черту!

И Нина уходит, не говоря ни слова.

Юэль все еще сидит без движения, когда слышит, как гравий вырывается из-под колес машины.

Нина

Нина сбавляет скорость, проехав конюшню усадьбы. Ее трясет.

Она пока не может поехать домой. Если Маркус, как обычно, лежит с компьютером на диване, она увидит его глазами Юэля. То, как тот произнес *Маркус*, все еще эхом отдается в голове. Она должна взять себя в руки. Снова стать собой.

Нина поворачивает руль и съезжает на узкую грунтовую дорогу у амбара. Участники театральной труппы, которая каждый год ставит там спектакли, обедают на газоне. Их разговор прерывается, когда Нина приближается, но все снова без интереса отводят глаза, когда понимают, что она приехала не к ним. Нина едет дальше в лес. Пыль стоит столбом за машиной. Она подпрыгивает на ямах на дороге. Нина проезжает задворки поля для гольфа, дальше едет мимо лугов с драматически перекошенными деревьями. Она едва их замечает. Перед собой видит только Юэля. Исхудавшего, но крепкого. Широкоплечего, но с такой же плохой осанкой. Он не изменился. Будто наркотики законсервировали его, вместо того чтобы уничтожить.

Слава богу, парковка заповедника почти пуста. Здесь, как всегда, ветрено. Ветер треплет Нинины волосы, как только она выходит из машины. Усиливается, когда она выходит к

скалам. Нина смотрит на берег, на луг, где пасутся лошади. Солнце стоит низко и, несмотря на ветер, греет в спину. Где-то вдалеке женщина слышит голоса. Она мельком замечает желтую ветровку – человек спускается вниз со скалы, на которой она стоит, – но ее никто не видит.

Забеременела специально? Лучшее в мире оправдание, чтобы остаться?

Нина не планировала беременность. Ведь любая девочка-подросток иногда забывает принять противозачаточные.

Даниэль был желанным ребенком. Конечно, Нине было страшно. Но он был желанным. Нина всегда хотела детей. Возможно, не именно тогда и не так.

Не именно с Маркусом!

Но она хотела оставить ребенка. И рада, что оставила его.

Нина бесцельно бродит туда-сюда по скалам. В одном Юэль был прав. Ребенок был выходом из ситуации. Иначе Нина никогда не смогла бы противостоять ему.

Она любила Юэля. И тоже хотела уехать отсюда. Но был момент, который изменил все. Разделил историю о ней и Юэле на до и после. Все совсем не так, как он думает. Это было не тем утром, когда он приехал забрать ее. Не тогда, когда она забеременела. Это случилось раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.